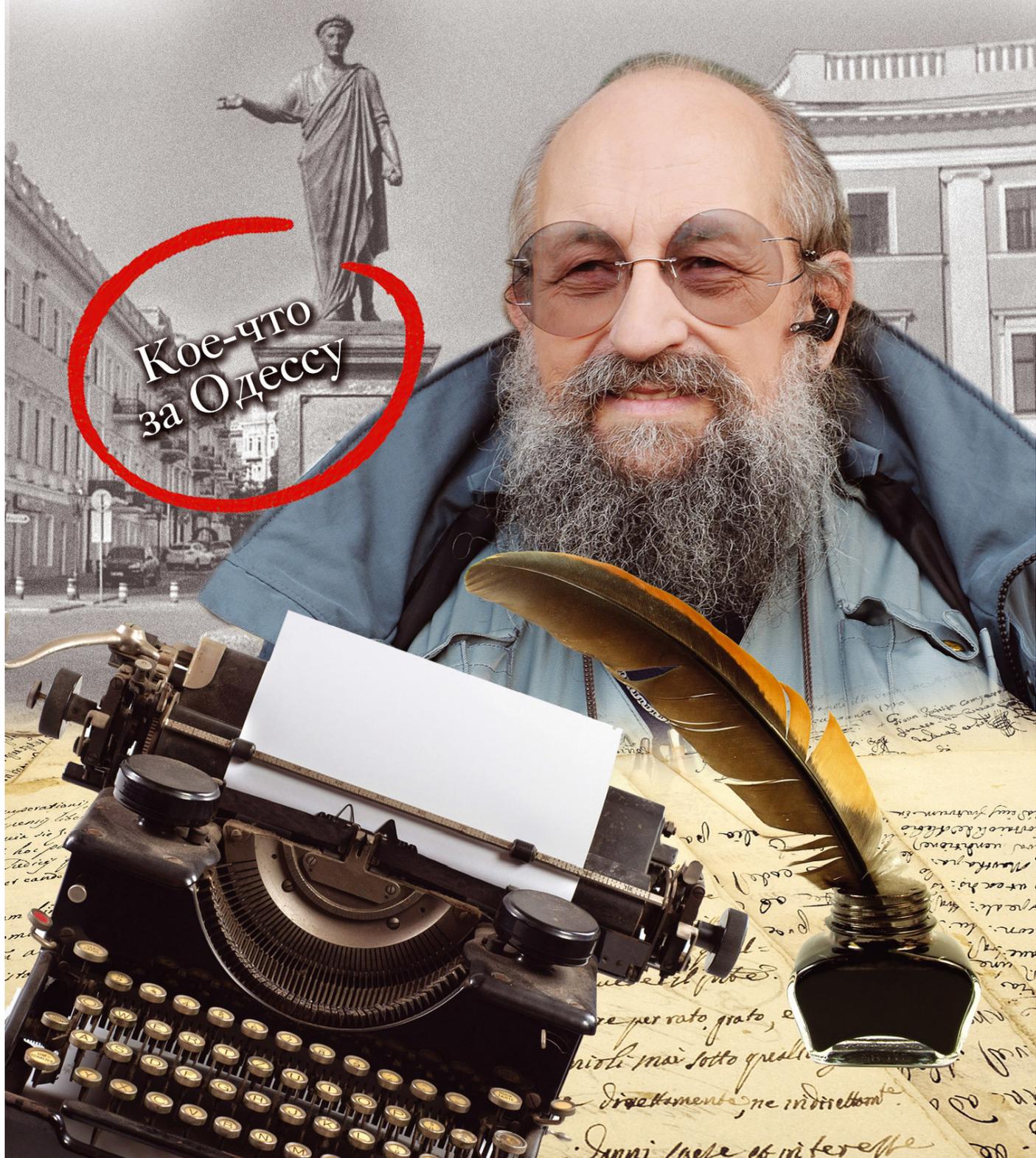

В. ВАССЕРМАН А. ВАССЕРМАН

Вассер-
мания

По следам литераторов

Кое-что
за Одессу

Вассермания

Анатолий Вассерман

**По следам литераторов.
Кое-что за Одессу**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1.09+913(477-25)
ББК 83.3(2Рос=Рус)+26.89(4Укр-2Одесса)

Вассерман А. А.

По следам литераторов. Кое-что за Одессу /
А. А. Вассерман — «АСТ», 2018 — (Вассермания)

ISBN 978-5-17-106691-8

Особая творческая атмосфера – та черта, без которой невозможно представить удивительный город Одессу. Этот город оставляет свой неповторимый отпечаток и на тех, кто тут родился, и на тех, кто провёл здесь лишь пару месяцев, а оставил след на столетия. Одесского обаяния хватит на преодоление любых исторических превратностей. Перед вами, дорогой читатель, книга, рассказывающая удивительную историю о талантливых людях, попавших под влияние Одессы – этой «Жемчужины-у-Моря». Среди этих счастливицков Пушкин и Гоголь, Бунин и Бабель, Корней Чуковский – разные и невероятно талантливые писатели дышали морским воздухом, любили, творили. И во многих наших любимых произведениях есть маленькая частичка Одессы, к которой мы и предлагаем вам прикоснуться.

УДК 821.161.1.09+913(477-25)
ББК 83.3(2Рос=Рус)+26.89(4Укр-2Одесса)

ISBN 978-5-17-106691-8

© Вассерман А. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	8
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	48
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Вассерман Владимир Александрович,
Вассерман Анатолий Александрович
По следам литераторов
*Кое-что за Одессу***

Фото для книги сделаны Ксенией Вассерман

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Дорогому отцу
Александру Анатольевичу —
вдохнителю наших книг —
с любовью и благодарностью*

Предисловие

Блистательный Дмитрий Львович Быков в лекции «Ильф и Петров. Тайна третьего романа»¹ заметил: «главный русский жанр – даже не роман, а трилогия». Для подтверждения тезиса Быкову тут же пришлось пояснить, что в четырёхтомных романах «Жизнь Клима Самгина» и «Тихий Дон» просто «непомерно раздутый второй том» (то есть, насколько мы понимаем, он имел в виду, что такой «раздутый второй том» Горький и Шолохов формально разделили на два). Не сомневаемся, что так же талантливо Быков превратил бы в трилогию ещё одну тетралогия (кстати, «чисто одесскую») – «Волны Чёрного моря» Валентина Петровича Катаева. Например, можно назвать повесть «Зимний ветер» – самое маленькое по объёму произведение цикла – интерлюдией².

По мнению Быкова, причина любви к трилогиям – глубокое укоренение в России гегелевской³ триады: «Тезис» – «Антитезис» – «Синтез». Можно обсуждать, так ли это, но авторы уже двух книг цикла «Кое-что за Одессу» – «Прогулки по городу с харизмой»⁴ и «Прогулки по умным местам»⁵ – получили литературоведческое обоснование написать третью книгу о родном городе и тем самым выполнить работу в рамках главного жанра нашей литературы.

Чтобы так же вольно, как в предыдущих книгах, прогуливаться по городу, нужно для стержня наших очередных экскурсий по Одессе выбрать столь же синтетическую тему, позволяющую охватить множество сторон единой жизни. Перефразируя известную строчку песни⁶ из репертуара Аркадия Северного, мы можем сказать: «Вы хотите темы? Их есть у меня!» Поскольку вторая строка: «В прекрасной Одессе гитары звенят», несложно пройти по «Одессе музыкальной». А можно по «Одессе кинематографической» либо «Одессе медицинской». Полагаем, каждая из этих тем позволяет легко составить увлекательный маршрут по улицам родного для нас города. Но поскольку мы оба (и, вероятно, большинство наших читателей) гораздо больше читаем, чем слушаем музыку, смотрим кино или (дай бог и дальше так) боеем, мы решили провести наши новые экскурсии по «Одессе литературной».

Сразу скажем, что эта тема «перепета не раз и не пять»: существует масса материала, включая замечательную книгу нашего земляка Ростислава Александрова – Александра Юльевича Розенбойма – «Прогулки по литературной Одессе»⁷. Но нельзя отказать себе в желании ещё раз пройти по улицам, вспоминая писателей, поэтов, журналистов, родившихся в Одессе и «вовремя из неё уехавших», благодаря чему они состоялись в общерос-

¹ <https://litr.ru/dmitriy-bykov/lekciya-ilf-i-petrov-tayna-tretego-romana>

² Аналогично «Последнему лету Форсайта» и «Пробуждению» в «Саге о Форсайтах» Джона Джоновича Голсуорси.

³ На самом деле основные законы и понятия диалектики установлены ещё античными философами. Но нам этот метод рассуждения известен прежде всего благодаря тому, что Карл Хайнрихович Маркс учился философии у учеников Георга Вильгельма Фридриха Георга-Людвиговича Хегеля.

⁴ Кое-что за Одессу. Прогулки по городу с харизмой. М.: АСТ, 2013. В дальнейшем упоминается как Книга 1.

⁵ Кое-что за Одессу. Прогулки по умным местам. М.: АСТ, 2016. В дальнейшем упоминается как Книга 2.

⁶ <http://a-pesni.org/dvor/vyhotchetepesen.php>

⁷ <https://livelib.ru/book/1000560087-progulki-po-literaturnoj-odesse-rostislav-aleksandrov>

сийском масштабе, а также о тех литераторах, чьё пребывание в Одессе отразилось на их судьбе и творчестве.

Как следует из топонимического справочника Якова Яковлевича Майстрового «История Одессы в названиях улиц»⁸, в честь литераторов в нашем городе названы (либо были названы, но потом переименованы) 72 улицы и переулка. Более того, в Одессе есть Литературная улица и был Писательский переулок. Одно это доказывает неисчерпаемость выбранной темы. Поэтому велика опасность превращения книги о мастерах пера в телефонный справочник⁹.

Во избежание этого, как и в ходе предыдущих прогулок, мы будем вольно обращаться с материалом: отвлекаться, перескакивать с сюжета на сюжет, детально останавливаться на том, что интересно лично нам, и игнорировать то, что нам не интересно. Как говорил Анатолий во многих интервью: «Я всегда занимаюсь только тем, что интересно лично мне, но всегда находятся люди, готовые заплатить за результаты моих занятий».

Так что перед Вами, дорогой читатель, очередная вариация на тему «литературная Одесса». Этакий, как сказали бы музыканты, «джазовый стандарт» в нашей субъективной интерпретации. Надеемся, что наше исполнение будет в чём-то свежим и небезынтересным.

⁸ <http://plaskepress.com/books/29>

⁹ А заодно – и в справочник архитектурный. О многих зданиях исторического центра Одессы можно рассказать едва ли не больше, чем об их обитателях. От части таких рассказов мы не смогли удержаться. Если же какой-то дом в книге не описан, о нём чаще всего можно узнать на сайте <http://archodessa.com/>

Часть 1

Глава 1 Одессея Гоголя

Мы начинаем прогулку от моря. Нет – поскольку мы гуляем с друзьями, а друзьям нужно говорить правду, будем честны: литературную экскурсию по Одессе начинать с моря нельзя.

Слова песни «Кудой в Одессе не пойдёшь, тудою выйдешь прямо к морю» – один из мифов нашего города. И слова из миниатюры Михаила Эммануиловича¹⁰ Жванецкого: «Мы пойдём по Пушкинской к морю!»¹¹ – тоже. На этом мифе Одесса стоит так же твёрдо и надёжно, как и на знаменитых катакомбах.

Как-то приезжий спросил нас, как пройти на набережную, и сразу показал, что Одессу не знает совсем. У нас есть набережная Ланжерон – она появилась на одноимённом пляже примерно через 225 лет после основания города. Есть аналогичная набережная на пляже Золотой Берег примерно в 10 километрах от центра. Набережных в стиле Ялты, Сочи либо Ниццы в Одессе нет – и не будет. Береговая линия в исторической части города занята портом. Направо и налево от него примерно на 15–20 км почти непрерывной полосой идут прекрасные песчаные пляжи. При правильной постановке дела их одних было бы достаточно для мощнейшего пополнения городского бюджета.

Сам же исторический центр расположен сравнительно высоко над морем (с учётом того, что мы живём в Причерноморской степи.) Чтобы подняться от Приморской улицы (идущей не вдоль моря, а вдоль порта; её следовало бы назвать Припортовая) на Приморский же бульвар, нужно преодолеть 192 из 200 ступеней знаменитой Потёмкинской лестницы (восемь ступеней постепенно проглотила расширяющаяся по мере наноса всё новых слоёв грунта и мостовых Приморская улица). Несложно подсчитать, что генерал-губернатор Новороссийского края Арман Эммануэль Софи Септимани Луи-Антуанович де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон, 5-й герцог де Ришельё любителю на Одесский залив с высоты около 35 метров (учитывая возвышение самой улицы над морем и высоту пьедестала, куда Дюк вознесён благодарными одесситами).

Что-то мы затянули вступление. Предупреждаем заранее – такие отвлечения от темы прогулки будут происходить неоднократно. В реальной экскурсии в это время можно заглянуть в смартфон и, отключившись от болтовни экскурсовода, почерпнуть что-то из «фейсбучных истин». В книге можно – мы не обидимся, честное слово – пропустить неинтересные страницы.

... Попробуем сначала. Мы начинаем прогулку не от моря. Но с улицы, откуда открывается вид на море. Поверьте, и таких мест в Одессе немного.

¹⁰ По паспорту – Михайловича. На каком-то из множества этапов оформления и переоформления документов его отца уменьшительное от «Эммануил» имя «Манье» было принято за уменьшительное от «Михаил».

¹¹ Пушкинская улица идёт параллельно берегу и выводит на Приморский бульвар, также параллельный берегу. Потёмкинская лестница, идущая с бульвара, выводит на Приморскую улицу, отделяющую порт от города, и только через входной павильон морского вокзала, находящийся напротив лестницы, можно пройти по эстакаде к самому вокзалу, чтобы оказаться в нескольких метрах над акваторией порта. Зато с бульвара море можно хотя бы увидеть.

Мы стоим в начале улицы, успевшей (как и едва ли не каждый закоулок центра города, несмотря на сравнительную его молодость) поменять массу названий (одно изучение этого процесса позволило Я. Я. Майстровому выпустить справочник, упомянутый в предисловии). Поначалу она была Казарменной и (в то же время!) Надеждинской, потом стала Телеграфной, а теперь называется улицей Гоголя (это, вероятно, звучит строже, чем Гоголевская улица по аналогии с Гоголевским бульваром в Москве, хотя название «Пушкинская улица» в столице СССР¹² и столице Юмора одинаковое).

Нынешнее название дано постановлением городской Думы в связи с пятидесятилетней годовщиной смерти писателя. В определённые периоды жизни страны годовщины смерти отмечали так же масштабно, как и годовщины со дня рождения. Как широко отмечалось в 1937-м столетие смерти Пушкина! Возможно, так же широко отметили бы в июле 1941-го и столетие со дня гибели Михаила Юрьевича Лермонтова, но помешала начавшаяся Великая Отечественная война. Зато день смерти Владимира Ильича Ульянова долгое время в СССР был выходным – и никто не усматривал в этом кощунства.

В отличие от большинства улиц, названных в Одессе именами писателей, так сказать, условно¹³, улица Гоголя вправе носить это название: Николай Васильевич жил в доме № 11 в 1850-м году. К этому дому мы не спеша подойдём.

Не спеша, хотя мы и не на Дерибасовской (вспомним Жванецкого: «По Дерибасовской гуляют постепенно»). Просто мы находимся в одном из популярнейших для экскурсантов уголков Одессы, где есть что посмотреть. И хотя мы уже описывали его в первой нашей книге (тут скучающие начинают смотреть ленту новостей в своём смартфоне), немного повторимся.

За спиной у нас Военная гавань Одесского морского торгового порта. Её каждый из авторов посещал во время учёбы на военно-морской кафедре Одесского технологического института холодильной промышленности (его переменчивая судьба описана во второй книге). Побывать на более серьёзных сборах в Североморске (мы аттестованы как энергетики атомных подводных лодок, а в Чёрном море по международным соглашениям недопустимы корабли с ядерными двигателями, не говоря уж о ядерном оружии) обоим помешала близорукость: даже для офицеров запаса медкомиссия была строгой.

Слева Тёщин мост, примечательный не в архитектурном отношении, а тем, что это, как сказано в Википедии, «народное название» не отражено ни на одной официальной карте. Даже во время недавнего ремонта моста на стандартном щите у забора, огораживающего ремонтный участок, значилось «ремонт пешеходного перехода над Военным спуском».

Справа от нас Шахский дворец. Забавное совпадение – это тоже «народное название». Один из лучших одесских архитекторов Феликс Викентьевич Гонсиоровский построил его для Зенона Карловича Бржозовского в 1851–1852-м годах. Умели работать быстро и качественно, однако! В соответствии с шуткой – «мы можем работать быстро, качественно, недорого; вы можете выбрать две опции из трёх», шляхтич Бржозовский должен был прилично потратиться. Впрочем, в начале 1870-х годов дворец арендовал глава знаменитого торгового дома «Фёдор Рафалович и К^о», так что расходы должны были окупиться.

Арендатор несравненно знаменитее Рафаловича – свергнутый 1909–07–16¹⁴ шах Ирана с 1907–01–08 Мохаммад Али Мозафарединович Каджар. Интересно, что после свержения экс-шах некоторое время скрывался в российской дипломатической миссии, где ровно за 80

¹² В столице Российской Федерации улице вернули название Большая Дмитровка.

¹³ Не могли же, например, Ильф и Петров жить в Одессе на одной улице, да ещё и появившейся через 36 лет после смерти первого и через 31 год после гибели второго! Кстати, и познакомились они – по официальной версии – только в Москве.

¹⁴ Полные даты приводятся по международному стандарту: год-месяц-число. Стандарт хорош тем, что дальше можно уточнять в том же порядке убывания величин: час: минута: секунда...

лет до этого убит министр-резидент (посол) Российской Империи в Персии статский советник Александр Сергеевич Грибоедов. В одесском дворце шах прожил 10 лет, что и закрепило в народе за зданием, построенным в стиле английской готики, название, не соответствующее внешнему облику.

В 1920-м, когда в Одессе окончательно установилась Советская власть, Мохаммад Али перебрался в Сан-Ремо, где скончался 1925–04–05 в возрасте всего 52-х лет. Сказалась и бурная политическая жизнь (покушения на его жизнь; переворот, совершённый им 1908–06–24; переворот, совершённый против него; неудачная попытка возвращения с отрядом, набранным в основном среди всевозможных рыцарей удачи, включая откровенных уголовников), и активная личная жизнь: в изгнании жизнь шаха скрашивали 50 наложниц¹⁵.

Мы помним время, когда в здании размещалось областное культпросветучилище (прекрасное слово советского новояза обессмертил анекдот-каламбур, где слово «прачечная» рифмовалось с матерным словом – но мы анекдот не рассказываем из уважения к юной части экскурсантов). В эпоху училища внутрь можно было зайти – в частности, на художественные выставки.

Потом здание в высочайшем темпе и достаточно качественно отреставрировали для Центрального офиса компании по перевалке нефтепродуктов. Так что теперь любоваться Шахским дворцом можно только снаружи. Компанию называть не будем, но для интриги сообщим, что певица Вера Брежнева была замужем за её руководителем.

Продолжаем движение к Гоголю. Очень трудно избежать соблазна останавливаться у каждого здания, настолько они прекрасны в архитектурном отношении. А как увлекательно изучать дворы этих зданий! В связи с неоспоримой элитностью места, внутренняя часть зданий перестроена, реконструирована, надстроена с демонстрацией всех возможностей современной технологии и архитектуры. Правда, небедные жители этих домов отгораживаются от туристов всевозможными домофонами и кодовыми замками. Но спрос на преодоление этих преград рождает предложение в виде туристических фирм, проводящих узконаправленные экскурсии по одной – двум улицам. При этом у экскурсовода уже имеется толстый журнал с перечнем кодов, необходимых для проникновения на закрытую территорию. В качестве примера приведём фирму «Где идём»¹⁶. Не будем отбивать хлеб у этих симпатичных ребят (их, кстати, можно увидеть и в Интернете¹⁷). Укажем только видимые с улицы неоспоримые символы Одессы.

Дом с Атлантами – Гоголя 5/7. Один из красивейших в Одессе, без преувеличения. Два Атланта, совместно удерживающие звёздный глобус (скульптор Товье-Герш Лейзерович Фишель), столь выразительны, что скульптуру используют «Всемирный клуб одесситов» в качестве официальной эмблемы и одесское издательство «Оптимум» для серии книг «Вся Одесса».

В доме № 5 (двухэтажный особняк) жили знаменитые Фальц-Фейны – русский, а впоследствии – после эмиграции – лихтенштейнский (занятое сочетание) дворянский род. Дом № 7 (многоэтажный) они сдавали внаём. Архитектором комплекса был главный на тот момент (1899-й год) архитектор Одессы Лев Львович Влодек. Поскольку одновременно он строил ещё и громадное здание Пассажа, логично предположить, что больший вклад в строительство внёс «первый помощник главного архитектора по строительной и художественной части» Фишель. Кстати, опыт, полученный на этой должности, позволил Товию Лейзеровичу с 1905-го по 1911-й год быть главным архитектором Томска. Вот как далеко шагнул

¹⁵ Хотя скрашивали ли? Источник <http://odessa-flat.com/html/schahskii-dvorec.html> указывает: экс-шах – то ли в шутку, то ли всерьёз – писал английскому премьеру Гладстону: «лучше прожить 50 лет с одной женой, чем один год с 50-ю жёнами»

¹⁶ <https://vk.com/gdeidemtv>

¹⁷ <https://youtube.com/user/GdeIdemTV>

уроженец Одессы. Да и Фальц-Фейнов вряд ли кто-то знал бы за пределами узкого дворянского круга, если бы они до получения титула в одном из мельчайших государств Европы не обрели громадные владения в крупнейшем и славу благодаря превращению этих владений в заповедник.

Впрочем, главное достоинство империи – не размер, а готовность принимать и пристраивать к делу представителей любых народов. Колониальные империи – вроде Британской – требуют при этом полной ассимиляции, континентальные – как Российская – охотно пользуются культурными особенностями любых пришельцев и включают многие местные находки в общеимперскую традицию. Но в любом случае империя уже самим своим разнообразием включает мощнейший экономический механизм – повышение производительности труда благодаря его разделению – и при грамотном руководстве обеспечивает всем своим обитателям лучшие условия жизни, чем в сравнимом по размеру и природным ресурсам монациональном королевстве.

Маленькая забавная подробность. Пассаж строился на месте доходного дома Крамарёва – в нём жил младший брат Александра Сергеевича («сами знаете кого») Лев Сергеевич, а навещал его там, в числе прочих, и Николай Васильевич Гоголь. Вот как всё в Одессе просто.

Про Фальц-Фейнов можно рассказывать бесконечно. Они были самыми крупными помещиками на юге России. В их имении Аскания-Нова до сих пор действует биосферный заповедник Академии аграрных наук, носящий имя основателя Фридриха Эдуардовича Фальц-Фейна.

Его племянник Эдуард Александрович Фальц-Фейн – личность совершенно невероятная. Во-первых, на момент написания книги ему 104 года, что само по себе вызывает интерес и уважение. Во-вторых, он способствовал (в том числе и лично приобретая) возвращению в Россию громадного количества культурных сокровищ: среди них сотни книг библиотеки Дягилева, фамильные реликвии Шаляпина, всё, что удалось найти в Германии из Янтарной комнаты Екатерининского дворца Царского села, и прочее, и прочее, и прочее. В третьих, благодаря Эдуарду Александровичу открыты музеи Суворова в Швейцарии и Екатерины Великой в Германии. У барона: пять государственных (включая орден Дружбы народов) и семь общественных наград Российской Федерации; семь наград Украины, включая орден «За Заслуги» I степени; награды других стран. А ещё про него снято четыре документальных фильма, причём фильм 2016-го года называется просто и ясно: «Любите Родину так, как он».

Напротив зданий Фальц-Фейнов расположены дома № 4 и № 6. Дом № 4 памятен нам тем, что в нём располагался уютный ресторан «Та Одесса», где посетителей встречал крокодил. В отличие от Крокодила из стихотворения Корнея Ивановича Чуковского¹⁸, он не ходил и не курил папирос, а мирно спал под стеклянным полом вестибюля. «Той Одессы», что характерно, уже нет. Надеемся, крокодил наш благополучно возвращён в зоопарк.

Вообще же процесс унификации и упрощения охватил даже богатую гастрономическую сферу Одессы – один из привлекательнейших аспектов визитов сюда. Различные экзотические «кормилица» вытесняются практичной итальянской кухней¹⁹. Поэтому по ходу

¹⁸ Тоже уроженец Одессы. По современным правилам он имел бы в свидетельстве о рождении запись «Николай Эммануилович Левенсон». Но поскольку его мать Екатерина Осиповна Корнейчукова не смогла или не захотела оформить брак с иудеем, он получил отчество по крёстному отцу, а фамилию по матери: Николай Васильевич Корнейчук. Из этой фамилии он и создал псевдоним Корней Чуковский, а потом сам придумал к нему отчество Иванович.

¹⁹ Как известно, свободный рынок неминуемо монополизирован. В частности, сетевые торговые и/или пищевые предприятия по сравнению с одиночными не только экономят на оптовых закупках, но и тратят на рекламу – в расчёте на одну торговую точку – существенно меньше. Разнообразие, официально объявленное одним из преимуществ децентрализованного планирования (мы его обычно называем рыночной экономикой) над централизованным (что тесно связано с единой собственностью на все средства производства – социализмом), фактически достигается и поддерживается противорыночной мерой – антимонопольным законодательством.

экскурсии мы часто будем видеть стандартно-итальянские названия «Итальянский квартал», «Марио-пицца», «Олео-пицца» и т. п. А вот экзотических названий вроде «Скрипка и весёлая лошадь» в Одессе нет, хотя она и признанная столица юмора.

Большой балкон второго этажа дома № 6 подпирают четыре атланта. Подобно тому, как Шахский дворец противопоставлялся Воронцовскому дворцу на другой стороне Военной балки, эти атланты противопоставлены двум атлантам Фишеля. Поскольку до победы Арнольда Шварценеггера на конкурсе «Мистер Вселенная» было ещё 67 лет, в качестве натурщиков работали не бодибилдеры с мышцами, накачанными специальными упражнениями (а то и стероидами). Так что перед нами простые ребята, чьи великолепные фигуры – результат напряжённого физического труда.

Дом № 9 украшает мраморная доска с бронзовым профилем академика Филатова. Великий офтальмолог жил в этом доме с 1915-го по 1941-й год. Мы подробно рассказывали о профессиональной деятельности Владимира Петровича во второй нашей книге. Тех же, кто хочет познакомиться с бытом и творчеством Филатова (а он ещё и одарённый живописец, участвовавший в выставках наряду со знаменитыми художниками), приглашаем в его Мемориальный дом-музей на Французском бульваре, № 53/1. Кстати, экспонатов столь много, что они разделены между домом-музеем, кабинетом-музеем в Главном корпусе института и музеем в лабораторном корпусе института имени Филатова.

Популярность Филатова нашла отражение в одном из вариантов песни «Одесса-мама»:

И если вам в Одессе выбьют глаз,
то этот глаз увставит вам Филатов²⁰.

Впрочем, в «каноническом» тексте Евгения Даниловича Аграновича и Бориса Моисевича Смоленского этих строчек нет.

Подробно об этой и о других песнях «за Одессу» мы рассказывать не будем. За нас это уже профессионально сделал профессор Национального морского университета и известный одесский краевед Михаил Борисович Пойзнер в книге «Одесские песни с биографиями»²¹.

Двор дома № 9 замечательно показывает технику решения проблемы, преследующей Одессу с момента основания – нехватки воды. Крыши всех флигелей наклонены во двор, выстланный итальянским вулканическим базальтом. В центре двора изящная мраморная горловина цистерны для сбора дождевой воды, стекающей с крыши по каменному мощению в эту ёмкость. О причине изобилия в Одессе итальянского базальта и мрамора подробно рассказал Анатолий в первой части нашей первой книги.

Наконец мы добрались до первой остановки по теме нашей экскурсии. Дом № 11 украшен двумя мемориальными досками в честь Николая Васильевича Гоголя. Собственно, эти доски – единственное украшение здания, находящегося в позорно-ужасающем состоянии. Очевидно, его не восстановят к выходу нашей книги. Главное, чтобы здание вообще осталось, а не рухнуло.

Впрочем, мрачность этого дома частично соответствует образу позднего Гоголя, сложившемуся у его московских и петербургских современников. К тому же практически законченную в этом доме рукопись второго тома «Мёртвых душ» (о чём сам автор извещал поэта Василия Ивановича Жуковского) Гоголь, как мы знаем, сжёг. Правда, случилось это уже в Москве.

²⁰ <http://a-pesni.org/dvor/odesmama.php>

²¹ «Одесские песни с биографиями – Одесса: ТЭС, 2016 – 176 с., ил. – ISBN – 978-617-7337-16-3.

А в Одессе Николай Васильевич был общителен, весел, даже жизнерадостен. Общавшимся с ним одесситам он запомнился как прекрасный рассказчик, неподражаемый чтец и искусный в приготовлении популярного тогда напитка «жжёнка» специалист. Так благотворно повлиял на великого писателя климат (в обоих смыслах этого слова) нашего города.

Первый раз Гоголь был в Одессе проездом. Если упоминать всех писателей, побывавших здесь проездом, то мы не уложимся не то, что в толщенную книгу, но даже в многотомник. Хотя бы потому, что до недавнего времени удобнейшим путём сообщения был не воздушный, а морской. Поэтому одесский порт видели многие тысячи гостей нашей страны, в том числе и литераторы – от Сэмюэла Лэнгхорна Джоновича Клеменса (его псевдоним – Марк Твен, то есть «метка два» – связан с его работой лоцманом на Миссисипи) до Жоржа Жозефа Кристиана Дезиревича Сименона. Мы даже и Гоголя не совсем могли бы упоминать, если бы он ограничился одним визитом: в первый приезд в 1848-м году писатель возвращался морем из Иерусалима и большую часть времени провёл в Карантине, размещавшемся в нынешнем парке Шевченко.

Так поступали со всеми, кто мог заболеть чумой либо холерой в южных странах. Мера неприятная, но логичная: и та, и другая болезнь досаждали Одессе регулярно, холера официально зарегистрирована у нас последний раз в 1970-м году²². Напомним, что первую эффективную вакцину от холеры создал одессит Владимир Аронович Хавкин – но только в 1892-м году. Он же – просто поразительно! – спустя четыре года создал вакцину против чумы.

Но всего этого Николай Васильевич не знал (да, если бы и предвидел, как предвидел многое другое из нашей истории, то всё равно поделать ничего не мог), поэтому терпеливо «отсидел» в Карантине, получив в виде вознаграждения праздничный обед в ресторации Цезаря Оттона.

С Оттоном получилось замечательно. В отрывках из «Путешествий Онегина» читаем:

Шум, споры – лёгкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Оттоном;¹

А ниже сноски:

¹ *Известный ресторатор в Одессе. – Примечание А. С. Пушкина.*

Этого примечания Пушкина в три слова с предлогом оказалось достаточным, чтобы одесские краеведы исчисляли себя от Александра Сергеевича, назначив его «первым одесским краеведом». Вот уж действительно – «Пушкин – наше ВСЁ».

Воспользовался ли Гоголь подсказкой Пушкина в этом случае, как в случаях сюжетов «Ревизора» и «Мёртвых душ», неизвестно, но во второй приезд в Одессу «кормился» он у Оттона регулярно. И ел, несмотря на худобу, немало. Впрочем, не только в Одессе. «Самого Гоголя в Италии друзья могли застукать одного в ресторане, уминающего макароны в порциях на несколько человек – тогда как только перед этим он жаловался, что совсем ничего не может есть из-за расстроенного пищеварения. И вообще, говорил, что у него желудок не такой, как у всех, а перевернут вверх ногами, о чем имеется заключение парижских врачей. Впрочем, близкие друзья давно привыкли к его чудачествам»²³.

²² По счастью, тогдашний штамм Эль-Тор вызывал столь слабую форму заболевания, что даже во внебольничных условиях вероятность смерти была довольно мала, а уж при элементарном медицинском вмешательстве умирал всего один из ста. А во времена Гоголя ещё не знали даже, что причина смерти при холере – обезвоживание, и не применяли соответствующих методов восполнения потерь жидкости в тканях, так что умирало от трети до половины заболевших, и единственным способом защиты оставалась изоляция потенциальных носителей заразы.

²³ http://odessa360.net/person/045_2_Gogol/01_about/about.html#name

Второй приезд писателя в Одессу начался 1850–10–24 – в день рождения великого сатирика и юмориста Аркадия Исааковича Райкина (и Владимира Вассермана). Впрочем, сам Гоголь-то родился 1-го апреля – чего уж больше.

Если же исходить из логичного предположения, что писатель – это его книги («Я – поэт. Этим и интересен» – писал Маяковский в автобиографии), то Гоголь в Одессе появился в 1837-м году. Именно тогда в Городском театре триумфально прошёл гоголевский «Ревизор» со знаменитым Щепкиным в роли городничего.

Николай I, хоть и заметил проницательно: «досталось всем, а больше всего мне», но пьесу разрешил. В связи с этим в народе ходила байка. Когда знаменитый режиссёр-комедиограф Леонид Иович Гайдай (1923 01 30–1993 11 19) экранизировал «Ревизора», первым кадром он пустил эпиграф пьесы: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива». Легендарный председатель Госкомитета по кинематографии Филипп Тимофеевич Ермаш сказал: «Ну, этого я пропустить не могу...» Находчивый Гайдай ответил «А Бенкендорф смог». Довод подействовал.

Городской театр, где шёл «Ревизор», был важнейшим объектом Одессы. Город с самого начала был мультикультурным и по замыслу герцога Ришельё именно театр должен был способствовать единению представителей совершенно различных народов, населявших Одессу. По его настоянию театр открывается уже в 1810-м году – через 16 лет после основания города – и способен вместить 800 человек из 12 500 населяющих Одессу на тот момент.

Нынче в моде мультикультурализм – провозглашение равноценности всех культур и традиций. Но вряд ли можно признать равными симфоническую музыку и первобытные пляски (не зря выросший из африканской музыкальной традиции джаз постепенно эволюционировал до сложности, сопоставимой с симфониями, и даже породил ответвление, названное симфоджазом), понимание равноправия всех людей и людоедскую готовность считать чужаков вовсе не людьми, осознание способности каждого здорового ребёнка в надлежащих условиях выучиться любым наукам и англофранцузскую²⁴ расовую теорию заведомого неравенства умственных способностей разных народов...

Собственно, на практике проповедники мультикультурализма противоречат ему. Так, в Западной Европе и Северной Америке сейчас модно ограничивать или даже полностью запрещать проявления христианской традиции на том основании, что они оскорбляют чувства мусульман, гомосексуалистов и прочих меньшинств, но никто не осуждает меньшинства, не соответствующие христианским воззрениям или даже прямо оскорбляющие чувства христиан. Например, в Соединённых Государствах Америки довольно методично вытесняются из массового распространения открытки с надписью «Merry Christmas» (и даже с её сокращённой версией «Merry Xmas»), но никто не возражает против открыток в честь также декабрьского иудейского праздника «Нарру Напукан», а во многих странах Европейского Союза на муниципальном, а то и государственном, уровне запрещают выставлять на улицах рождественские ёлки, хотя местные мусульмане – из тех, кто живёт там уже несколько поколений – чаще всего публично заявляют, что не имеют ничего против празднования: ведь Иешуа Иосифович Давидов признаётся в исламе хотя и не богом, но великим пророком, уступающим по своему значению разве что самому Мухаммаду Абдуллаховичу Курейшину. Таким образом равными признаются не все культуры, а только малые – и никто не задумы-

²⁴ Эту теорию разработали лорд Хаустон Стьюарт Уильям-Чарлзович Чембёрлен и Жозеф Артур Луич граф дё Гобино. Альфред Эрнст Вольдемар-Вильгельмович Розенберг, Адольф Алоизович Хитлер, Юлиус Фридрихович Штрайхер и бесчётные их последователи получили расовую теорию в готовом виде. Претензии современных европейцев к национальной социалистической немецкой рабочей партии по сути сводятся к тому, что она употребила внутри Европы те методы обращения с инородцами, какие Просвещённая Европа примерно с середины XVIII века использовала только за своими пределами.

вается, что малы они как раз потому, что не способствуют (а то и прямо препятствуют) благополучию своих носителей.

Кстати, в Одессе проблема религиозных праздников с давних времён и по сей день решена ко всеобщему удовольствию: например, христиане охотно угощают соседей-иудеев пасхальным куличом, а те столь же охотно дают христианам часть мацы, испечённой на Песах, и таким образом праздник, священный в рамках одного вероисповедания, становится радостью для всех.

По представлениям русской цивилизации (в том числе и одесской её ветви) любая культура тем выше, чем больше способствует общему развитию и прогрессу человечества в целом. Многие иные цивилизации вовсе не признают понятие развития и прогресса: с их точки зрения человечество непрерывно ухудшается (по античным представлениям, Золотой Век был в далёком прошлом) или в лучшем случае движется по замкнутому кругу (в Индии считается, что продолжительность каждого цикла составляет несколько миллиардов лет, что близко к современным представлениям о возрасте нашей Вселенной – совпадение явно случайное). Западноевропейская (и отпочковавшаяся от неё англосаксонская) цивилизация несколько веков опиралась на представление о неизбежности и благотворности прогресса, но теперь склонилась к отрицанию самой возможности дальнейшего развития общества как целого и полагает, что прогресс науки и техники ничего не изменит в общественных отношениях. Доказательством вечности капитализма, понимаемого как общество, где каждый преследует собственную выгоду, но тем самым неизбежно способствует общему благу, объявлен факт распада европейской части социалистического общества. Столь же уверенно два века назад факт сокрушения Французской империи, выросшей из Французской же республики, усилиями объединённой Европы, объявлялся доказательством вечности феодального устройства.

Но в книге по истории – пусть даже истории одной страны и одного города – вряд ли стоит подробно рассуждать о разных подходах к концепции прогресса. Здесь для нас важно только, что она была в Европе общепринятой во времена зарождения Одессы. И уже тогда было ясно, что взаимодействие разных культур – а тем более цивилизаций – способствует прогрессу каждой из них.

Поэтому в Городском театре – в соответствии с замыслом основателя – всегда шли произведения, созданные в разных культурах, но интересные практически всем, кто жил в городе. И таким образом театр сыграл роль плавильного котла, помогающего сформироваться одесскому народу. Поэтому пожар, возникший в театре и уничтоживший его 1873–01–02²⁵, был просто несчастьем для города. Новое здание театра открыто в 1887-м году, и среди четырёх бюстов, его украшающих – бюст Николая Васильевича Гоголя²⁶.

Какое-то время театр носил имя первого народного комиссара просвещения Анатолия Александровича Антонова (по отчиму – Анатолия Васильевича Луначарского). Поскольку в это время он уже был театром Оперы и балета, выбор забавный: среди громадного количества литературных работ Луначарского опер и балетов не было.

Впрочем, его роль как наркома просвещения позналась в сравнении с работой его премников. Недаром есть легенда: когда комиссия, рассматривая макет монумента «Сталинградская битва», спросила скульптора Евгения Викторовича Вучетича, почему Родина-Мать кричит, он ответил: «Она зовёт Луначарского!» Монумент установлен на Мамаевом кургане Волгограда так, как задуман скульптором...

²⁵ Через 2 дня после окончания работ по очередной переделке здания. С учётом нынешнего опыта сразу возникает вопрос: хорошо ли были выполнены эти работы?

²⁶ Остальные трое гениальных творцов русской литературы и музыки, украшающих наш театр – Александр Сергеевич Пушкин, Александр Сергеевич Грибоедов и Михаил Иванович Глинка.

Вернёмся, однако, от Анатолия Васильевича к Николаю Васильевичу. Его положение было сложным.

С одной стороны, он был окружён вниманием, искренней заботой и любовью одесситов, включая самых знатных и родовитых. К плюсам зимовки в Одессе можно отнести сравнительно мягкую погоду конца 1850-го – начала 1851-го годов (не так тепло, как в Риме, конечно, но и не Санкт-Петербургская зима). Несомненным был и бытовой комфорт. Гоголь поселился у дальнего родственника – генерал-майора Андрея Андреевича Трощинского, причём самого домовладельца в городе в это время не было. Так что писатель в приятном для себя уединении мог работать над делом всей жизни – вторым томом «Мёртвых душ». Даже само название улицы – Надеждинская – как будто давало надежду на успех невероятного по масштабу замысла. Тут мы вновь должны опереться на авторитет Дмитрия Быкова. Он в своих статьях и лекциях о Гоголе отмечает, что во втором томе Гоголь планировал создать Россию подобно тому, как ранее в цикле «Миргород» создал Украину. Ни больше, ни меньше.

Действительно, образ Украины с Днепром, до чьей середины долетит только «редкая птица», с панночками, превращающимися в ведьм, с кузнецом Вакулой, готовым ради подарка невесте оседлать чёрта и лететь в столицу за туфельками, с гордым и непреклонным Тарасом Бульбой – весь этот живой, богатый, и, выражаясь современным языком, 3D мир создан одним человеком. После него, насколько мы представляем, только двум писателям удалось сделать нечто подобное, хотя и в меньшем масштабе: Александр Степанович Грин создал свой мир с городами Зурбаган, Лисс и т. п., а Исаак Эммануилович Бабель создал свою Одессу. Одесс, впрочем, было минимум две – Бабеля и Жаботинского, но об этом мы подробнее расскажем в ходе экскурсии позже.

Минусов в жизни Гоголя было на тот момент, увы, куда больше. Во-первых, не удалась первая – и, как мы теперь знаем, последняя – попытка устроить личную жизнь. 41-летний писатель задумал посвататься к Анне Михайловне Вильгорской. Ей на тот момент было уже 27 лет (по тогдашним понятиям лет на десять больше, чем нужно для замужества), тем не менее через родственников семьи писателю намекнули, что ему будет отказано.

В сословном обществе Российской империи родовитость Вильгорских и Гоголей была несопоставима. Впрочем, это мог быть предлог; как-никак Гоголь был неоспоримо первым писателем России на тот момент. Скажем больше, вся эта история может быть легендой, сопровождавшей писателя и при жизни, и после смерти (чего стоит хотя бы история про череп Гоголя, якобы украденный по просьбе великого коллекционера Алексея Александровича Бахрушина, а потом приведший к исчезновению целого поезда в Италии²⁷). Зато несомненно и многократно выражено публично непонимание теми, кого сейчас именуют «либеральной общественностью», изменения взглядов Гоголя. То, что позже стало совершенно естественно и нашло отражение в чеканной формулировке: «Кто в молодости не был радикалом (вариант: либералом) – у того нет сердца; кто в зрелости не стал консерватором – у того нет ума», приписываемой каждому крупному политику Европы от Бисмарка до Чёрчилла, а также сатирикам от вышеупомянутого Марка Твена до Джорджа Бернарда Джордж-Карровича Шоу, стало шоком для России 1846-го года. В этом году Гоголь опубликовал «Выбранные места из переписки с друзьями». В читающем обществе разразился грандиозный скандал. Диапазон обвинений Гоголя – от проповеди мракобесия и предательства идеалов до безумия. «Властитель дум», главный литературный критик России Виссарион Григорьевич Белинский пишет Гоголю письмо, за одно чтение которого позже судят петрашевцев, включая «нового Гоголя» – Фёдора Михайловича Достоевского. Драматично, но показательно: такова роль русской литературы в общественном сознании.

²⁷ <https://newsland.com/user/4296739998/content/cherep-gogolia-stranstvuet-v-rimskom-eksprese-prizrake/4098544>

В современном прагматичном и – одновременно – толерантном обществе русская литературоцентричность считается нездорово гипертрофированной. При всей любви к литературе, особенно к – без преувеличения – Великой русской литературе XIX века, согласимся с такой оценкой. Ненормально, когда споры писателя с властью влияют на курс ценных бумаг Российской империи, что имело место в случае Льва Николаевича Толстого. Заметим, однако, что позже тот же Достоевский прошёл аналогичный эволюционный путь: от каторжных работ по делу петрашевцев до «охранителя» в «Дневнике писателя» и наставника Великих княжон.

Третье сложное обстоятельство – грандиозный и, как понял сам Гоголь за несколько дней перед смертью, неподъёмный труд по созданию непротиворечивого и позитивного образа России. До второго тома «Мертвых душ» Гоголю не удалось только самая первая вещь – поэма «Ганц Кюхельgarten». Затем Гоголь идёт от триумфа к триумфу. «Вечера на хуторе близ Диканьки» изданы, когда автору 22 (1-й том) и 23 года (2-й том); сборник «Миргород» выходит в 1835-м – автору 26. В том же году выходит сборник «Арабески» с первыми «Петербургскими повестями» – «Невский проспект», «Портрет» и «Записки сумасшедшего». В следующем году написан «Ревизор». «Нос» создаётся одновременно с «Ревизором» в 1836-м, а «Шинель» (из неё, как известно, «все мы вышли») в 1842-м: автору 33 года! В том же году издан первый том «Мёртвых душ». Кажется, как сплут почти через сто лет:

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака!

Но потом наступает пауза, прерванная только упомянутыми «Выбранными местами из переписки с друзьями».

В науке подобное случилось с гениальным Альбертом Эйнштейном: он последние 40 лет жизни занимался Единой теорией поля, но так и не достиг поставленной цели, хотя по дороге обнаружил немало интересного. В литературе примеров значительно больше. Но Гоголю от этого было не легче.

Разнообразие образов и целых миров, им созданных, невероятно. Авторы, не будучи профессиональными литературоведами, могут указать только одного писателя, в этом отношении подобного Гоголю – американского фантаста Хенри Хенрича Каттнера. Каждым своим рассказом либо серией из нескольких рассказов он открывал новое направление, потом развиваемое целой плеядой писателей, причём темы хватало не только на рядовых литераторов, но и на звёзд первой величины. Каттнер писал не только под своим именем, а использовал и множество псевдонимов. В силу разнообразия направлений и стилей, им охваченных, до сих пор – спустя почти 60 лет после его смерти! – установлены не все произведения, им написанные. Мистическая вещь – прожил он, как и Николай Васильевич Гоголь, 43 года.

Пользуясь случаем, похвалим советских редакторов. Впервые мы познакомились с Каттнером, когда Анатолий привёз из традиционной для студентов поездки на уборку урожая²⁸ сборник его рассказов «Робот-заснайка». Годы спустя, когда был переведен весь известный Каттнер, мы убедились: составители первого сборника отобрали лучшее. Более

²⁸ В Одесской области это был либо виноград, либо помидоры, что не так уж плохо. Впрочем, в советское время всех горожан, вывозимых на сезонные сельские работы, изрядно возмущало принудительное привлечение к низкоквалифицированному труду. Лишь сейчас стало ясно: для страны, не имеющей возможности массово привлекать сезонников из-за рубежа и не желающей содержать во внесезонное время миллионы безработных, нет лучшего выхода, нежели направлять на неотложные работы всех, кто не занят в неразрывных технологических цепочках и может потом быстро наверстать упущенное – студентов, конструкторов...

того, они разместили рассказы в порядке, обеспечившем наилучшее впечатление от творчества Каттнера. Не зря этот сборник переиздаётся и в наши дни²⁹. Лично нам также кажется, что аналогичным высочайшим профессионализмом отличались и работники формы грамзаписи «Мелодия», выпускавшие виниловые диски «Франция – песня», «Мир Эдит Пиаф» и «Песни Александра Вертинского». Когда стало доступно всё, мы и тут убедились, что нам предлагалось лучшее.

Итак, Гоголь «всеми признан, изгнан отовсюду»³⁰. Все ждут от него создания нового волшебного и прекрасного мира, и он решается на эту попытку. С первым томом «Мёртвых душ» было значительно проще. Не только потому, что сюжет подсказал Пушкин. Александр Сергеевич завёл пружину, толкающую часовой механизм сюжета. Просто сами эти часы уже изобрёл... Гомер.

Именно у него впервые появился герой, потом в различных ипостасях проходящий по всей мировой литературе. Это Одиссей – хитроумный, изобретательный, предприимчивый, любознательный и, как шутили на нашей Военно-морской кафедре «в меру нахальный». Вообще легко быть родоначальником мировой литературы. Ты сочинишь две поэмы – «Илиада» и «Одиссея» – и тут же «забываешь» (сошлёмся на Борхеса³¹) две из трёх главных тем литературы на века вперёд: война и странствия. Третью тему – внезапное, но заслуженное обогащение – откроет Шарль Пьерович Перро в своей «Золушке».

Итак, «Мёртвые души–1» – «Одиссея» на российской почве. Борис Михайлович Парамонов в статье «Возвращение Чичикова»³² указал: когда Константин Сергеевич Аксаков сравнил «Мёртвые души» с «Илиадой» (почему не с «Одиссеей»? – В.В., А.В.), Гоголю идея внешне не понравилась. Но подсознательно он был настроен на эпос (и назвал труд, во многом сходный с плутовским романом, поэмой). Более того, после выхода первого тома Гоголь радикально переделал «Тараса Бульбу» для максимального внутреннего родства с «Илиадой». При этом в новой редакции «Тарас Бульба» выглядит очень инородно в сборнике «Миргород» рядом с нежными «Старосветскими помещиками», мягко-юмористической «Повестью о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и мистическим «Виём». Впрочем, упомянутая безграничная широта творчества Гоголя позволяет и столь разнородный набор воспринимать как единое целое.

Итак, дело сделано – есть российская «Илиада», есть наша «Одиссея», но Гоголю нужно двигаться дальше. И тут – вновь сошлёмся на Бориса Парамонова – Гоголя подводит мораль: «В русское сознание – сознание Гоголя в том числе – не влезала мысль о дельце, да ещё плутоватом, как о позитивном герое». Не спасает даже то, что Гоголь буквально влюблён в своего Чичикова. По соображениям морали нужен другой положительный герой. Скажем больше: по примеру другого эпоса – «Божественной комедии» Данте – Гоголь возложил на себя обязанность после «Ада» в виде первого тома своей поэмы написать «Чистилище» и «Рай» в двух следующих томах.

Но если в сериях боевиков «Миссия невыполнима» по законам «правильного голливудского кино» название обманывает зрителя (тот, впрочем, хоть и переживает за героев, но не сомневается в благополучном финале), у Гоголя название оказалось абсолютно точным. Если в первом томе «Мёртвыми душами» были только умершие, но не исключённые из ревизских сказок – аналогов нынешних переписей населения – крепостные, то во втором томе «мёртвыми душами» оказались буквально все положительные герои.

²⁹ <http://azbooka.atticus-group.ru/authors/3964.shtml>

³⁰ Строка из «Баллады поэтического состязания в Блуа» французского поэта с запутанной биографией, известного как Франсуа Вийон.

³¹ Его полное имя по испанскому обычаю столь обширно (Хорхе Франсиско Исидоро Луис Хорхе-Гильермович Борхес Асеведо), что сам он представлялся просто как Хорхе Луис Борхес и вошёл в историю литературы именно так.

³² <https://fil.wikireading.ru/57730>

Гоголь работал до изнеможения, писал, зачёркивал, дополнял, снова зачёркивал. Бродил по пустому дому, возвращался к конторке, за которой писал, по укоренившейся привычке, стоя. В принципе, шла нормальная работа, пусть и без моцартовской лёгкости, по легенде, позволявшей великому композитору сочинять музыку быстрее, чем потом переписчики копировали его нотные рукописи. Но результат трудов неизвестен: созданное за пять месяцев в Одессе сожжено Гоголем в Москве.

Конечно, мрачный вид дома № 11 заставляет вспомнить о нечистой силе, в «Мастере и Маргарите» провозгласившей и осуществившей тезис: «Рукописи не горят!» Как вариант: начинается долгожданный ремонт здания и – о, чудо – под пятой половицей бывшей гостиной находится полная рукопись второго тома. Однако знакомство с черновиками, опубликованными в Собрании сочинений Николая Васильевича, заставляет задуматься: нужно ли нам это?

Есть легенда, что, ознакомившись со всем написанным Джеромом Дэвидом Соломоновичем Сэлинджером за время его невероятно затянувшегося молчания (он ничего не публиковал с 1965-го до смерти в 2010-м), издатель сказал коротко: «Оставайтесь легендой!» То, что сделал Гоголь в последние дни своей земной жизни, хоть и нанесло удар литературоведам, но его самого оставило на почти недостижимой вершине.

С этой вершины мы начинаем спуск к другим писателям. Заметим тут же, что эстафетную палочку плутовского романа подхватили одесские писатели Иехиел-Лейб Арьевиц³³ Файнзильберг и Евгений Петрович Катаев (брат вышеупомянутого Валентина). Созданный дуэтиным автором «Ильф и Петров» образ Остапа Ибрагимовича³⁴ Бендера не уступает в живости, выразительности и обаянии образу Павла Петровича Чичикова. Как и Чичиков, Бендер – самый живой и привлекательный герой романов «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок». Конечно, он ближе к нам по времени, и авторы его – коренные одесситы, так что мы не претендуем на объективность. Будем считать, что могучая аура гениального Гоголя распространилась с дома № 11 по Надеждинской до № 137 по Старопортофранковской и № 4 по Базарной, где родились его одесские литературные внуки по «плутовской линии».

Впрочем, как всем известно, практически каждого нашего литератора после Гоголя можно считать продолжателем какого-то из гоголевских литературных направлений. Поэтому, хотя – альпинисты подтвердят – спуск с вершины сложнее подъёма, зато с гоголевской вершины у дома № 11 по Надеждинской улице мы можем идти к любому из писателей, о котором хотим рассказать.

³³ В советское время – Илья Арнольдович. В первые годы после революции многие представители национальных меньшинств (как тогда говорили – нацмены) русифицировали свои имена. Так, Анушаван Ованесович Микоян вошёл в историю самолётостроения как Артём Иванович.

³⁴ Скорее всего – Абрамовича. «Сын турецкоподданного» – намёк на распространённый на рубеже XIX–XX веков у российских евреев, располагавших средствами для выполнения соответствующих формальностей, переход в подданство Османской империи: со времён Петра I Алексеевича Романова на Руси к иностранцам относятся куда лучше, чем к собственному народу.

Глава 2 Маяк в Одессе

Катаев в книге «Алмазный мой венец» именовал его Командором, причём только это имя писал с большой буквы. Какие-то его черты его Ильф и Петров не побоялись показать в Ляписе-Трубецком³⁵. Общепринято считать, что Михаил Булгаков вывел его в образе проходного персонажа романа «Мастер и Маргарита» поэта Александра Рюхина³⁶.

На самом деле, с такой говорящей фамилией прозвище не нужно. Просто – Маяк – и всё. Может быть, это обстоятельство и привело к тому, что переулочек Маяковского остался в Одессе не переименованным: уж очень подходящее название для приморского города. Тем более, что до знаменитого Воронцовского маяка от него по прямой пару километров.

Кстати, у Одессы есть и Одесский маяк – он был установлен на мысу Большого фонтана (юг Одесского залива), а затем из-за оползней перенесён чуть глубже от берега. К нему ведёт Маячный переулочек. Так что всё логично.

Впрочем, первоначальное название переулочка – Малый, а кто из членов топонимической комиссии проголосует за то, чтобы в Одессе был Малый переулочек? Тут уместно вспомнить, что первый (и великий) мэръ Тель-Авива Меир Янкелевич Дизенгоф, приехавший в Палестину из Одессы, решил, что главная улица Тель-Авива – бульвар Ротшильда – должна начинаться с сотого номера. Тогда получатели писем из Тель-Авива по номеру дома увидят, в каком большом городе живут их родственники.

Так что от дома Гоголя мы идём к переулочку Маяковского. Дистанция короткая, но значительная. Почти как в поэме «Владимир Ильич Ленин»:

Коротка
и до последнего мгновения
нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново.

³⁵ Пожалуй, резче и концентрированнее всего это описано в статье Александра Аркадьевича Немировского <http://wyradhe.livejournal.com/31580.html> «Как бр. Катаевы любили своего брата в Революции ВеВе Маяковского». Впрочем, судя по обсуждению статьи, автор – сообразно своим, как нынче всё ещё модно, антисоветским взглядам (в провозглашённый им глубокий вечный антисоветизм создателя «Волн Чёрного моря» и «Время, вперёд!» тоже трудно поверить: история знает множество примеров полного изменения убеждений) – тоже не любит Маяковского. В комментарии <http://wyradhe.livejournal.com/31580.html?thread=140124#t140124> к статье отражена более общепринятая литературоведческая позиция: Ляпис – обобщённый бездарный подражатель великому поэту.

³⁶ Впрочем, критик Эдуард Самойлович Кузнецов показал, что это неверно, детально проанализировав вопрос в статье <http://magazines.russ.ru/voplit/2008/3/ku16.html> «Кто такой Александр Рюхин?» По его мнению, Рюхин никоим образом не похож на Маяковского, и Булгаков скорее всего имел в виду популярного в те годы прежде всего у комсомольцев (как и Маяковский) поэта Александра Алексеевича Жарова.

Тут вспоминается типичная для современных школьных сочинений фраза: «Владимир Ильич Ленин родился в городе Ульяновск и по имени родного города взял псевдоним Ульянов».

... На нашем пути всё интересно. Будем кратки, насколько это возможно для разговорчивых одесситов.

Гоголя, дом № 8 – кафе «Гоголь-Моголь» (так что яркие названия кафе всё же имеются)³⁷. Место достаточно популярное и без нас – не будем его дополнительно рекламировать. Вы и сами обратите внимание на ограждение летней площадки в виде старых велосипедов. «Гоголь-Моголь» расположен на углу улицы Гоголя и Казарменного переулка. Мы ещё помним времена, когда Казарменный переулок носил имя Некрасова.

С переименованиями получилось хождение по кругу: наши дедушки и бабушки с трудом осваивали новые названия, теперь вновь ставшие старыми и не известными молодому поколению.

Кое в чём помогают названия переулков. Так, на Большом Фонтане есть несколько «Номерных» Украинских переулков, отходящих от улицы Ахматовой. Можно догадаться, что улица также называлась Украинской. Переименована она в 1987-м году и не просто так. В районе этой улицы стоял дом, где в 1889-м году родилась Анна Андреевна Горенко. Когда отец – инженер-механик флота в отставке – узнал о стихотворных опытах дочери, он попросил «не срамить его имя». Анна выбрала в качестве псевдонима фамилию отдалённой родственницы, заодно придумав и происхождение «бабушки-татарки» от ордынского хана Ахмата.

Однако мы не будем рассказывать про Анну Андреевну, поскольку она сама в поэме «Реквием» написала однозначно:

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием – не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь

Честная оценка: из Одессы семья уехала в 1890-м году.

Возвращаемся на угол Казарменного переулка и Гоголя; нет, лучше Некрасова и Гоголя – так нам приятнее описывать наш маршрут. На втором углу Т-образного перекрёстка («Некрасов упирается в Гоголя»), в доме № 10 туристическое агентство «Тудой-Сюдой» – организатор многих интересных экскурсий, включая «одесские экскурсии для одесситов» с детальнейшим рассказом про дома на каждой из центральных улиц города и проникновением в закрытые «чисто одесские» дворы и парадные.

Рядом в доме № 12 один из самых роскошных ресторанов города – Ministerium или, как это заведение само расшифровывает название – Первое Одесское Министерство отдыха. В этом здании долгое время после войны находился Главпочтамт, пока его «родное» здание неспешно восстанавливали, потом 1-е городское отделение связи. Внимательный зритель фильма «Золотой телёнок» Михаила Швейцера узнает вход в здание. Именно на этот

³⁷ Интересно, что второе кафе этой же сети – «Гоголь у моря» – находится недалеко от Маячного переулка.

Главпочтамт принёс Остап Бендер свой чемодан с миллионом рублей, чтобы отправить наркомому финансов. Кроме отделения связи, в здании пребывал и Одесский Дом техники с различными специальными курсами. В ходе деиндустриализации страны всё это заменено на «Министерство отдыха».

Дом № 14 – роскошный с цокольным этажом, высоченными четырьмя этажами и громадными балконами по всему фасаду. От него начиналась экскурсия «Одесса военная» нашей первой книги. Песню, посвящённую жильцу дома матросу Железняку (Анатолию Григорьевичу Железнякову), сейчас можно рассматривать как замаскированную рекламу GPS навигации. Поэт Михаил Голодный – Михаил Семёнович Эпштейн – написал:

Он шёл на Одессу,
А вышел к Херсону —
В засаду попался отряд

Занятно, что первый куплет имел два варианта (ниже мы выделили курсивом различия) – более печальный для посмертной судьбы Железняка и более торжественный:

В степи под Херсоном —
Высокие травы,
В степи под Херсоном – курган.
Лежит под курганом,
Заросшим бурьяном,
Матрос Железняк, партизан.

И

В степи под Херсоном —
Высокие травы,
В степи под Херсоном – курган.
Лежит под курганом,
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан.

Как точно сказал, хоть и по другому поводу, Жванецкий: «Разница небольшая, но очень существенная».

Напротив солидного, но игривого по облику дома Железняка ещё более солидный и имперский дом на углу Гоголя и Сабанеева моста. По крупным, как нам представляется «питерским» деталям фасада безошибочно узнаётся второй из чешских архитекторов нашего города – Викентий Иванович Прохаска³⁸. В доме, построенным им же на углу Новосельского и Льва Толстого, жила Мария Александровна Денисова (по мужу – Щаденко) – героиня первой поэмы Маяковского «Облако в штанах».

Так «легко и непринуждённо» мы вернулись к теме этой главы.

Когда в ноябре 1935-го года Лили Уриевна Каган (в замужестве Лиля Юрьевна Брик) – как главный редактор полного собрания сочинений Маяковского – написала второе письмо Иосифу Виссарионовичу Джугашвили³⁹, она не думала, что это приведёт к повторной

³⁸ Первым считается Влодек, даром что он Лев Львович. Впрочем, и Бурлюк, о котором мы вскоре расскажем, тоже Давид Давидович «даром» – в смысле, что тоже не еврей.

³⁹ Первое письмо, написанное в январе 1931-го, осталось без ответа.

смерти поэта. На первой же странице письма, описывающего трудности при издании произведений Маяковского, Сталин написал: «Тов. Ежов⁴⁰! Очень прошу вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остаётся лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

Вторая фраза резолюции – чеканная и ёмкая – на долгие годы стала исчерпывающей характеристикой поэта. Хотя незадолго до этого на Первом съезде Союза Советских писателей сам председатель свежесформированной организации Алексей Максимович Пешков – Максим Горький – в заключительной речи указал: «Говоря о поэзии Маяковского, Николай Иванович Бухарин не отметил вредного – на мой взгляд – «гиперболизма», свойственного этому весьма влиятельному и оригинальному поэту».

Оба эпитета, использованные основателем соцреализма, можно толковать двояко, скорее – даже негативно. Но после ставших широко известными эпитетов Сталина – «лучший» и «талантливейший» – в сознании большинства Маяковский, у которого при жизни были сложные отношения с Горьким, прочно занял место вплотную к «Буревестнику революции». Почти как Ленин и Сталин – при жизни тоже далеко не всегда единомыслившие.

Спорить о творчестве Маяковского стало бессмысленно. Он «забронзовел» не в 1958-м году, когда на пересечении Садового кольца и улицы Горького (Sic⁴¹ – как написал бы Ленин на полях книги в этом месте) ему поставили памятник с надписью «От Советского правительства». «Забронзовел», то есть повторно умер он, когда Сталин начертал свою резолюцию.

А надпись на памятнике точная. Во-первых, сам Маяковский своё предсмертное письмо-завещание адресовал правительству. Во-вторых, в 1958-м в моде были другие поэты, а «забронзовевшего» народ не жаловал, хотя именно у подножья этого памятника молодые литераторы читали свои стихи. Так что даже если бы тогда (как было принято ранее) позволили собирать деньги на памятник, в добровольном порядке собрали бы немного.

Абсолютную статичность оценки творчества Маяковского иллюстрирует пример нашего личного школьного образования. Каждый из нас – один в 1969-м, другой в 1977-м – спокойно писал сочинения о главных, как нам внушали, поэмах Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо», опираясь на тетрадь по русской литературе, которую вёл отец в 1948-м году. Правда, и преподавала нам та же, что и отцу, Марьяна Леонтьевна Корчевская. Кстати, за безупречный труд в школе её в 1967-м наградили орденом Трудового Красного Знамени – в те времена далеко не расхожим.

Как преподавание литературы отбивало любовь к чтению, писать не будем. Сейчас вот всё ещё больше переменилось: чуть ли не 99 % чтения – сообщения в социальных сетях. Правда, в них же и пишут, так что число пишущих сравнялось с числом читающих. Это не хорошо и не плохо – это другая жизнь.

Ещё пару слов о памятнике, точнее, о двух памятниках. Удивительно, как поэты-провидцы писал одно, а их искренние почитатели делали с точностью до наоборот. Пушкин написал в практически итоговом стихотворении «Памятник»:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный.

Эти слова написали на постаменте прекрасного, но, безусловно, рукотворного памятника ему. Далее, Маяковский пишет в несомненно итоговой (осталось только два вступления) поэме «Во весь голос»:

⁴⁰ Тогда председатель Комитета Партийного контроля и один из пяти – включая Сталина – секретарей ЦК ВКП(б).

⁴¹ По латыни – «Так». Употребляется как пометка чего-то странного, непривычного или особо значимого.

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтёмся славою —
ведь мы свои же люди, —
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

Ему устанавливают бронзовый памятник. Возможно, ориентировались на строки, обращённые к Пушкину в знаменитом (и очень печальном, если задуматься) стихотворении «Юбилейное»:

После смерти
нам
стоять почти что рядом:
вы на Пе,
а я
на эМ.

Так что не удивительно, что знаменитые памятники стоят в Москве столь близко друг от друга: Маяковский на пересечении Тверской и Садового кольца, Пушкин – на пересечении той же Тверской и кольца Бульварного (хотя, конечно, поэт говорил о библиотечных полках, а не о близости расположения будущих памятников). В том же стихотворении Маяковский писал:

Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину.
Заложил бы
динамиту
– ну-ка,
дрызнь!
Ненавижу
всяческую мертвечину!
Обожаю
всяческую жизнь!

Так что вряд ли он бы бурно порадовался памятнику себе – даже с учётом возвращения площади, где он стоит, названия Триумфальная.

Зато его, безусловно порадовала бы станция метро Маяковская. По нашему мнению, эта станция остаётся «лучшей и талантливейшей (по архитектуре) станцией метро нашей советской эпохи». Одни колонны красного гранита со вставками из нержавеющей стали как смотрят⁴²! А ведь на потолке ещё мозаики Александра Александровича Дейнеки – чертов-

⁴² Вставки сделал завод «Дирижаблестрой» на окраине подмосковного посёлка Долгопрудный: там были станки для

ски здорово сделано⁴³! Не зря на Всемирной выставке 1939-го года в Нью-Йорке станция, представленная макетом и фотографиями, удостоена Гран-При по архитектуре. А глубина, недостижимая для тогдашних и даже нынешних бомб, в сочетании с подземным простором позволила 1941–11–06 провести традиционное торжественное заседание руководства и общественных деятелей страны, посвящённое предстоявшей годовщине Октябрьской революции⁴⁴.

Наша одесская старая топонимика, когда переулок Маяковского был параллелен переулку Некрасова, тоже, тешим себя мыслью, порадовала бы поэта, который писал всё в том же «Юбилейном»:

А Некрасов
Коля,
сын покойного Алёши, —
он и в карты,
он и в стих,
и так
неплох на вид.
Знаете его?
вот он
мужик хороший.
Этот
нам компания —
пускай стоит.

...Когда обсуждать творчество Маяковского стало наконец снова дозволено, образовалось два лагеря почитателей поэта. По мнению одних, Маяковский начинал неоспоримо гениально, но «продался большевикам» и закончился как поэт задолго до физической смерти. Таких, пожалуй, большинство – прежде всего потому, что само обсуждение возродилось в эпоху, когда большевизм был никак не в почёте. Даже неоднократно упомянутый Дмитрий Быков в своём фундаментальном труде «Тринадцатый апостол», при всём детальном и супер-профессиональном анализе жизни и творчества Владимира Владимировича, отмечает, анализируя стихотворение «Спросили раз меня: Вы любители ли НЭП...», что строки:

Она⁴⁵ —

изгибания металлических листов с одновременной гофрировкой, дабы придать листам жёсткость. В преддверии Второй Мировой войны во всём мире, включая СССР, дирижаблестроение заглохло: стало ясно, что не хватит времени усовершенствовать лёгкие гиганты настолько, чтобы они могли эффективно противостоять новому поколению истребителей. После войны – в 1948-м – громадные ангары использованы для размещения крупногабаритного экспериментального оборудования, необходимого свежесозданному физико-техническому факультету Московского государственного университета. От них и ведёт свою родословную легендарный Московский физико-технический институт.

⁴³ В цикл «Сутки неба родины» вошли 35 картин. Увы, проектировщики по нехватке опыта не учли необходимость обустройства броневых щитов на входном конце перрона: все станции метро в СССР и его наследниках могут использоваться ещё и как бомбогазоубежища. Чтобы освободить место для поворота щита, пришлось уже смонтированную мозаику «Знамя СССР» снять. При строительстве северного выхода, открытого в 2005-м, вторая мозаика «Знамя СССР» не пострадала.

⁴⁴ На следующий день – непосредственно к 24-летию революции – прошёл традиционный военный парад на Красной площади. Почти все участники прямо с парада отправились на фронт. Сейчас в Российской Федерации 7-го ноября проводится парад в ознаменование не самой революции, но парада 1941-го года: нынешние руководители очень боятся малейших намёков на возрождение социализма.

⁴⁵ Буржуазия.

из мухи делает слона
и после
продаёт слоновую кость

можно отнести и к большинству послереволюционных поэм Маяковского.

Диаметрально противоположная позиция в книге Максима Карловича Кантора «Апостол революции» (и тут «Апостол» для обозначения Маяковского). По его мнению, практически всё, написанное поэтом до 1917-го года, осмысленно не больше, чем тост Шарикова в «Собачем сердце» М. А. Булгакова: «Желаю, чтобы все!» И только революция, чьим апостолом Маяковский являлся, сделала его творчество великим. Эту позицию Максим Кантор детально обосновывает в 15 главах⁴⁶.

Впрочем, углубляться в такие сложные литературоведческие споры в ходе прогулки по переулку Маяковского не получится: переулок всего в один квартал. Точнее, по стороне, которая ближе к морю, формально кварталов два, но первый состоит из одного дома, примечательного тем, что именно на него упали первые бомбы в июле 1941-го. Но дом восстановили, чтобы сейчас подвергнуть радикальной перестройке⁴⁷.

Малая длина бывшего Малого переулочка позволяет легко подняться по нему к Преображенской улице и подойти к дому, где жил человек, без которого – и в этом сходятся оба лагеря почитателей Маяковского – поэт не состоялся бы в том виде, в каком мы его знаем (а многие – в том числе и авторы – любим). На доме № 9 по Преображенской улице недавно открыта мемориальная доска Давиду Давидовичу Бурлюку.

Как мы уже упоминали в ходе наших прогулок, Преображенская – граница сопряжения двух прямоугольных сеток улиц: сетка, дальняя от моря, сопрягается с сеткой, ближней к морю, под углом 45 градусов. В результате со стороны переулочка Маяковского на перекрёстке обычные прямоугольные дома, а со стороны Елисаветинской улицы, продолжающей переулок, дом по нечётной стороне выходит с углом 45°, а дом по чётной стороне – с углом в 135°. Оба дома очень красивы. Со времени написания нашей книги «Прогулки по умным местам» детально описанный там «остроносый» дом полностью отреставрирован, что очень приятно.

Хорошо смотрится и четырёхэтажный «тупоносый дом» по Елисаветинской, № 18, с коронообразной башенкой на крыше и прекрасными балконами по оси здания.

Этот непрямоугольный перекрёсток, нечастый для Одессы, вдохновил прекрасного одесского художника Геннадия Георгиевича Верещагина на одну из первых его работ в сложнейшей технике цветного офорта. С удовольствием помещаем ссылку⁴⁸ на этот офорт, тем более что один экземпляр висит в нашей квартире на Нежинской улице.

Мы же идём к более скромному дому на Преображенской, № 9. В нём Бурлюк жил в 1910–1911-м годах, когда вторично обучался в Одесском художественном училище и наконец-то – в 29 лет! – закончил его. Начал он учиться живописи в Казани аж в 1899-м, потом переехал в Одессу⁴⁹, потом вернулся в Казань, далее изучал живопись в Мюнхене и в Париже, но диплом учителя рисования получил всё же в Одессе. Так долго сейчас готовят только врачей, да и то на Западе.

⁴⁶ Максим Кантор. Медленные челюсти демократии. М.: Астрель, Жанры, АСТ, 2008 г. 496 с. ISBN 978–5–17–053109–7, 978–5–271–20636–8.

⁴⁷ Как мы неоднократно отмечали, основной камень домов исторического центра Одессы – рыхлый известняк (на «одесском» языке – ракушечник: он залегает у самой поверхности, поэтому столь мало спрессован пребыванием под землёй, что отчётливо видны отдельные раковины моллюсков – основной материал, формирующий все виды известняков, включая мрамор). Серьёзная перестройка возможна только с использованием «железных рёбер каркаса».

⁴⁸ <http://vereschagin.org/indexr.php?id=6#10>

⁴⁹ И вроде жил тогда там же, где десять лет спустя.

Про Одесское училище, чьё здание находится как раз напротив дома, где жил Бурлюк (точнее, конечно, наоборот: он жил напротив училища⁵⁰), мы подробно писали во второй книге. Но заметим, что в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, куда он поступил сразу после Одессы, преподавал ему Пастернак, в своё время сам учившийся в Одессе.

Разные детали знакомства Бурлюка и Маяковского пропустим. Их Маяковский подробно описал в своей автобиографии. Главное, что из неё следует по рассматриваемой теме: русский футуризм начался 1912–02–24, когда после концерта Рахманинова, исполнявшего симфоническую поэму «Остров Мёртвых», Маяковский сразу начал читать Бурлюку свои стихи. И сразу Давид Давидович сказал Владимиру Владимировичу «Да это ж вы сами написали! Да вы же ж... гениальный поэт!».

Психологически история выглядит точно: совместные яркие впечатления (концерт Рахманинова для одних, катание на американских горках для других, совместный поход в горы для третьих) ускоряют сближение. Два «но»:

Реально Маяковский начал читать Бурлюку свои стихи только в сентябре 1912-го года⁵¹.

Максим Кантор – прежде всего художник, а уж во вторую очередь писатель – просто беспощадно разбирает – именно как художник – стихотворение, якобы прочитанное Маяковским Бурлюку 24-го февраля:

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зелёный бросали горстями дукаты,
и чёрным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие жёлтые карты.

Позволим себе длинную цитату из его книги, показывающую, как много усилий и слов тратит Кантор, чтобы обосновать свой тезис о бессодержательности дореволюционного творчества Маяковского:

«Стихотворение «Ночь», которым открывается любое собрание сочинений, – вещь подражательная и пустая. Это стихотворение даже кажется не оригиналом, а переводом – например, с немецкого. Те строки, что любят цитировать, когда говорят о выразительности Маяковского («Багровый и белый отброшен и скомкан, в зелёный бросали горстями дукаты...») на самом деле исключительно невыразительны. Невыразительны они потому, что совершенно ничего не выражают. Обычно потребность в выразительных эпитетах появляется тогда, когда требуется привлечь внимание к тому, что может остаться незамеченным, когда нужно выявить предмет. Но в данном стихотворении смысл и предмет – отсутствуют. Стихи написаны о чём угодно – только не о России, не о Москве, не о взаправду увиденном. Странное дело: исключительно яркое по эпитетам стихотворение написано человеком, который словно не различает цветов, не видит действительности. Откуда бы в Москве тех лет взяли дукаты? Это что, такое образное переосмысливание бумажных керенок⁵²? Что ещё за багровый и белый, где вы такие цвета в Москве найдёте? Москва – разная: серая, голубая, перламутровая, мутная, тусклая, но вот багровых цветов в сочетании с зелёным и белым – в ней не имеется⁵³. Это какой-то злачный Берлин кисти Георга Гросса, а совсем не Москва»⁵⁴.

⁵⁰ Классический анекдот, утративший актуальность с возвратом в капитализм: «– Вы помните, что Рабинович не побоялся построить шикарный дом напротив тюрьмы? – Да, а что? – Так вот теперь он живёт напротив своего дома».

⁵¹ Д. Быков. Маяковский. Трагедия-буфф в шести действиях. М.: Молодая гвардия, 2016, 720 с. ISBN 978–5–235–03887–5.

⁵² «Какие керенки в 1913-м году?» – спросим мы в свою очередь у Кантора.

⁵³ Маяковский – тоже художник, но плакатист – вполне мог изображать основные цвета: багровый закат, белые облака в верхней части неба, золотистые (в ту пору лампы накаливания использовали не вольфрамовые нити, а потому работали

Но не важно, увидел ли Бурлюк своим глазом художника⁵⁵ несоответствия, описанные в вышеприведенной цитате из Кантора (или, возможно, ещё какие-то). Важнее то, что Бурлюк плотно взялся за Маяковского: заставлял его писать каждый день и ежедневно давать Бурлюку «отчёт о проделанной работе». Впрочем, внушить Маяковскому мысль, что он гений, было несложно: тот и сам это подозревал.

После череды выступлений в Петербурге (порой ежедневных, всегда скандально-успешных) Маяковский «в составе партийно-правительственной делегации во главе с Бурлюком» 1913–12–14 года выезжает в мощное турне по югу России.

Это не был «провинциальный чёс», увы, регулярно встречающийся нынче – и не только в Одессе. Сейчас нужно внимательно изучать афиши, где большими буквами написано «ВЕНСКИЙ СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР», а маленькими «имени Штрауса», что означает гастроли небольшого коллектива, а не знаменитого оркестра⁵⁶. Или приезжает всеми до сих пор любимый «Оркестр Поля Мориа» во главе с его преемником – а с точки зрения юридической скорее самозванцем. Мы уж и не говорим о том, что помним времена, когда прекрасные московские театры приезжали на гастроли в Одессу в полном составе, с полным репертуаром, и выступали недели три при переполненных залах. Вот уж действительно: «Были времена, прошли былинные».

Футуристы же (Бурлюк, Каменский и Маяковский) работали от души. Дмитрий Быков пишет: «Это были великолепные четыре месяца. Может быть, лучшие в жизни Маяка. У него завелись деньги! Он начал писать лучшую свою вещь! Он изведal славу. И всё это сделал Бурлюк».

Поэтому мы, ценящие и любящие Маяковского, с благодарностью стоим у свежей мемориальной доски (открыта 2016–09–01), изображающей Давида Давидовича выразительно и ярко – не забыт даже знаменитый монокль в левом (незрячем) глазу⁵⁷.

Прежде чем вернуться к маршруту по следам Маяковского (нас ждёт ещё осмотр здания театра, где он выступал во время первого турне), пройдем ещё буквально 40 метров до улицы Софиевской. На стыке домов № 32 и № 34 висит мемориальная доска, информирующая: «В этом доме⁵⁸ в 1887 году жил болгарский народный писатель и поэт Иван Вазов». Так что в Одессе жил не только патриарх литературы на идише («дедушка» еврейской литературы) Шолем-Янкель Хаим-Мойшевич Абрамович (в его псевдониме – Менделе Мойхер-Сфорим – фамилия означает «книгоноша», бродячий книготорговец), но и патриарх болгарской литературы.

В полуквартале от этих домов, но на нечётной стороне, жил замечательный поэт и прозаик (в советское время издано 12 сборников его стихов и 5 книг в прозе) Юрий Николаевич Михайлик⁵⁹. Родился он 1939–11–19 аж в Амурской области, но вырос в Одессе, окончил в

при значительно меньшей, чем сейчас, температуре, и их свет был отчётливо жёлтым) уличные фонари на фоне зелёных древесных крон, светящиеся прямоугольники окон на чёрных стенах зданий. Но Кантор рассматривает мир глазом живописца и улавливает не столько цвета, сколько оттенки.

⁵⁴ Максим Кантор. «Апостол революции». Издательство АСТ, Астрель. 2008. ISBN: 9785170531097.

⁵⁵ Глазом – в буквальном смысле; с детства он был одноглазым в результате нелепого несчастного случая с игрушечной пушечкой.

⁵⁶ Его концерт 1-го января в главном зале филармонии, транслируемый по всему миру (в РФ – телеканалом «Культура») – одно из любимых нами зрелищ.

⁵⁷ На некоторых фотографиях монокль у Бурлюка в правом глазу. Скорее всего, он пользовался стеклом с нулевой оптической силой: незрячему глазу коррекция не нужна. И с учётом его специфического чувства юмора весьма вероятно, что время от времени он зажимал монокль глазницей уцелевшего глаза: изображение не искажается, а собеседник, знающий об особенностях зрения Бурлюка, сбив с толку.

⁵⁸ Юмор в том, что краеведам не удалось установить, в каком именно из соседних домов жил писатель, так что табличку разместили на границе зданий. Тонкое решение вопроса.

⁵⁹ Отдалённый родственник писателя Юрия Петровича Михайлика (1903–03–17 – 1966–05–17), прославленного (под

1961-м филологический факультет нашего университета, а потом и сам стал университетом: в 1964–1975-м руководил литературной студией Дворца студентов, в 1980-е – литературной студией «Круг». Среди его учеников – несколько десятков авторов, заметных даже в те годы, а уж на фоне полубогемной московской (не говоря уж о киевской) массовки заслуживающих по меньшей мере эпитета «великий». К сожалению, в 1993-м он уехал в Сидней. Перед отъездом Одесский областной совет по инициативе своего бывшего председателя, а в ту пору депутата Верховного совета Украины, Руслана Борисовича Боделана⁶⁰ наградил его официальной благодарностью за всю деятельность во благо Одессы. Один из авторов этой книги – Владимир – написал по этому поводу:

Трудно соблазн одолеть сбежать отсюда в Австралию.
Вот и Михайлик двинулся, вытянув в эллипс «Круг».
Сам Боделан сказал, что сделал он очень правильно.
Лишь бы стихи и прозу читал он не кенгуру.

Другой автор – Анатолий – с самим Юрием Николаевичем общался в основном благодаря тому, что его дочь Елена была в числе сильнейших игроков одесского клуба «Эрудит». Команда с её участием не раз успешно выступала в телеигре «Брэйн-ринг» и была весьма заметна в спортивной версии «Что? Где? Когда?» Вдобавок Елена – блестящий знаток нескольких бурных эпох истории: её рассказы об этих эпохах члены клуба слушали, как говорится, с раскрытым ртом, да и в Интернете⁶¹ они (как и её стихи) весьма популярны. С переездом в Австралию она (как и многие другие тамошние ЧГКшники) продолжает играть⁶², но пока в Австралии не накопилась масса игроков, достаточная для проведения чемпионата страны, соответствующего всем требованиям Международной ассоциации

псевдонимом Юрий Дольд-Михайлик) романом «И один в поле воин» (1956), где едва ли не впервые в советской литературе выведен в качестве главного героя советский разведчик, заброшенный во время войны в Германию и до конца войны активно действующий там. В продолжении – романе «У чёрных рыцарей» (1964) – этот же герой продолжает работу уже среди недобитых немецких военных преступников, передающих богатый опыт новому поколению в разведшколе, оплачиваемой американцами. Другой персонаж романа – американский генерал Думбрайт – произносит монолог, послуживший впоследствии – после доработки в романе Анатолия Степановича Иванова «Вечный зов», где отредактированные фрагменты этого монолога вложены в уста бывшего полицейского следователя, а впоследствии антисоветского заговорщика и диверсанта Арнольда Михайловича Лахновского – основой текста, известного как «план Даллеса». Уже в нынешнем тысячелетии установлено, что план как единый документ никогда не существовал, но все ключевые положения его взяты из реальных директив Совета национальной безопасности Соединённых Государств Америки, разработанных на рубеже 1950–60-х годов и, как положено в США, рассекреченных через полвека. Скорее всего советская разведка ознакомилась с этими директивами сразу после их принятия, но не смогла опубликовать обычным образом, дабы при раскрытии агрессивных планов стратегического противника не раскрыть свои источники информации. Вероятно, суть директив довели до писателя, чей роман о разведке уже доказал его умение раскрывать соответствующую тематику в доходчивой форме, и он написал предостережение. Увы, оно не сработало: действия, предусмотренные директивами и художественно описанные Михайликом и Ивановым, выполнены и дали намеченный результат.

⁶⁰ Замечательный пример бурной биографии смутного времени. Первый секретарь городского, а затем областного комитета коммунистической партии под конец её существования стал даже членом центрального комитета, а заодно председателем исполнительного комитета областного совета. Вскоре после распада СССР – в марте 1992-го – утратил этот пост, но уже в ноябре избран в Верховный совет уже независимой Украины. В 1995-м назначен главой Одесской областной государственной администрации. В 1998-м избран мэром Одессы. В апреле 2005-го – после того, что на Украине велено именовать Оранжевой революцией – против него возбудили уголовное дело, и он перебрался в другой портовый город России – стал заместителем начальника Санкт-Петербургского международного торгового порта. В 2010-м – после победы Виктора Фёдоровича Януковича на выборах президента Украины – вернулся в Одессу, но в 2014-м вновь уехал в РФ. Учитывая, что родился он 1942–04–04, его биография скорее всего пополнится ещё не одним резким поворотом.

⁶¹ В основном – автор Antrekot на сайте <https://wirade.ru/> – <https://wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=stories;action=viewprofile;username=Antrekot> – и пользователь el_d Живого Журнала – <http://el-d.livejournal.com/>

⁶² В Австралии – в отличие от, например, Великобритании – в ЧГК играют не только эмигранты из бывшего Союза. Там с давних пор бытует местная игра, отдалённо напоминающая ЧГК. Её энтузиасты охотно освоили правила, отработанные в телеиграх, начиная с 1975–09–05, и спортивных соревнованиях, начиная с 1989–12–16.

клубов «Что? Где? Когда?», и поэтому Михайлик ещё не участвовала в проводимых с 2002-го года чемпионатах мира по ЧГК.

Большое преимущество прямоугольной сетки улиц в том, что можно вернуться в ту же точку по другому маршруту. Поэтому мы вернёмся в начало переулка Маяковского по переулку Некрасова и, далее, уже пройденным кусочком улицы Гоголя.

Близость переулков Маяковского и Некрасова имеет, если вновь обратиться к «Тринадцатому апостолу» Д. Быкова, очень глубокий смысл: Маяковский оказался одним из двух поэтических наследников поэта-патриота, поэта-гражданина. Он унаследовал тему и страсть гражданской лирики и сатиры Некрасова, а Есенин «сельские унылые мотивы и насмешливое народолюбие». Так что рядом с этими переулками хорошо бы «организовать» переулок Сергея Есенина, но чисто технически не получается.

Вновь выйдя к переулку Маяковского, движемся по нему к Гаванной.

По первому генеральному плану Одессы Военная Балка, Гаванная улица и продолжающий её за Греческой площадью Александровский проспект должны были составлять главную улицу города. Проход главной улицы через Греческую площадь мог бы тогда напоминать протекание реки Рона через Женевское озеро (в несравненно меньшем масштабе, конечно).

Но как-то не сложилось⁶³. В итоге Гаванная, теоретически ведущая в Гавань, а фактически на Военный спуск (бывшую Военную Балку) – улица интересная, но не главная. Как и Гоголя, состоит она из пары кварталов: нечётная сторона разделена упирающейся в неё Ланжероновской улицей, а чётная разделена весьма условно – входом в Городской сад. На этой улице предлагаем обратить внимание на несколько зданий. Хотели бы больше, конечно, но ценим время экскурсанта.

Второй дом от Военного спуска по нечётной стороне имеет замечательную дату на фронте – 1819-й год. Насколько мы знаем, это старейшее из оставшихся в Одессе зданий. Объяснение на мемориальной доске (даём перевод с украинского): «Этот дом построен в 1819 году братом основателя Одессы Феликсом де Рибасом. В 1820-х годах тут проживали семьи Раевских и Давыдовых. Гостями этого дома были: А. С. Пушкин, Адам Мицкевич, князь М. С. Воронцов, С. П. Трубецкой, и другие значительные фигуры 19 ст.»

Рядом с мемориальным домом – красивый четырёхэтажный дом, а за ним – по официальному наименованию – «Римско-Католический костёл Святого Петра Апостола». Построен на средства французской колонии и открыт в сентябре 1913-го года. Ох уж этот 1913-й – сколько интересного было в этом последнем мирном году Российской, а также Австро-Венгерской, Германской и Османской империй. Когда костёл на Екатерининской превратили в спортзал⁶⁴, культовое сооружение на Гаванной оставалось единственным католическим костёлом Одессы. Мы считали, что именно у его красивого забора Бендер вёл дискуссию с ксёндзами, охмурявшими Козлевича⁶⁵.

⁶³ По городской легенде, владелец одного из домов на Греческой площади запросил за его снос такие деньги, каких не было не только в бюджете строительства улицы, но и во всей городской казне. На наш взгляд, это маловероятно: в любом государстве, включая Российскую империю, существуют механизмы изъятия личной собственности в общественных интересах по разумной (как правило, среднерыночной) цене. Скорее всего, пока осваивали сложный рельеф склонов балки, то есть оврага, сформировались другие удобные маршруты.

⁶⁴ Не помогло и то, что в нём был похоронен вполне успешный преемник Ришельё – Александр Луи Луи-Теодорович Андро, маркиз дё ля Кост, барон дё ля Ферте, дё Сасси и дё Куньи, сеньёр Монта, Базоля, острова Марса и Олиньи, граф дё Ланжерон (на русской почве просто граф Александр Фёдорович Ланжерон). Впрочем, Преображенский собор с могилами ещё одного генерал-губернатора Новороссийского края – князя Михаила Семёновича Воронцова – и его супруги (да ещё и одной из мишеней ухаживания Пушкина) Елизаветы Ксавьерьевны, урождённой графини Браницкой – просто взорвали. Захоронения чудом перенесли на кладбище в пригороде Одессы.

⁶⁵ «Золотой телёнок», глава XVII «Блудный сын возвращается домой».

Напротив костёла роскошный особняк, выстроенный уже упоминавшимся Ф. В. Гонсировским для канатозаводчика Новикова. Впоследствии по этому адресу размещалось Коммерческое собрание, где библиотекарем был Карл Антонович Олеша – отец писателя Юрия Карловича. Сейчас здесь размещается Одесский краеведческий музей, в своё время героически сохранивший в дворике после сноса памятника Екатерине Великой скульптуры её сподвижников, украшавшие постамент. Помним, как приятно было пожать металлическую руку де-Рибасу, не повторив при этом судьбу пушкинского Дон Гуана (впрочем, статуя Командора была каменной).

Переплетение судеб, соответствующее теории «N рукопожатий», где N для Одессы, наверное, не более трех, прекрасно. В № 10 живёт архитектор Демосфен Егорович Мазиров, построивший здание 2-й мужской гимназии, и в этом же доме – один из самых известных её выпускников – будущий режиссёр трилогии о Максиме Леонид Захарович Трауберг. Его отец – сотрудник газеты «Южное обозрение», расположенной в соседнем доме. Фраза героя Виктора Викторовича Конецкого: «Когда работаешь на флоте, не нужно ездить на работу на трамвае», была для Захара Давидовича Трауберга неактуальна.

Далее – в Анну, дочь редактора «Южного обозрения» Николая Петровича Цакни, влюбляется молодой Иван Алексеевич Бунин, сотрудничающий с газетой. В сентябре 1898-го года они венчаются в Сретенской церкви, находившейся, как ни странно, на территории Нового Базара. Брак был недолог. Впрочем, и церковь тоже снесли – правда, уже при большевиках. Про Бунина, впрочем, мы чуть подробнее расскажем, пересекая улицу его имени.

Пока же остановимся у мемориальной доски на доме № 10. Посвящена она не Леониду Траубергу, а другому жильцу этого дома: «В этом доме с 1906 по 1926 год жил русский советский поэт Семён Исаакович Кирсанов».

С творчеством Семёна Исааковича Кортчикова – Кирсанова – мы познакомились – можем сказать с точностью до дня – 1974–01–08. Обстоятельства были почти прозаические: мы покупали первый наш стереопроектор, а в магазинчике (тогда гипермаркеты, конечно, «отсутствовали как класс») не нашлось пластинки, чтобы его проверить.

Анатолий в магазине грампластинок⁶⁶ – по счастью, недалеко – купил пластинку Давида Фёдоровича Тухманова «Как прекрасен этот мир». Купил только для проверки работоспособности проигрывателя⁶⁷ «Вега-101». Эпоха дефицита позволяет помнить название первого проигрывателя, первых джинсов и т. д. Также мы помним исчезнувшее в ходе бурного развития техники слово «радиола», обозначавшее совмещённый проигрыватель и радиоприёмник. В ламповых радиоприёмниках на панель выводилась отдельная лампа настройки – когда точно выходили на радиостанцию, эта лампа почти вся становилась зелёной. Ну, старожилы это помнят. Нам напоминает об этом стихотворение Владимира 1989-го года:

Зелёной лампой старой радиолы
весь мир, шумя, помигивает нам.
Одновременно грустный и весёлый,
он Октябрём разделен пополам.
Сейчас возникли разные нюансы;
глобальное мышление на устах.
Но в общечеловеческом пространстве
такой раздел пока не терпит крах.

⁶⁶ Механических грамплатинок уже давно не было, но термин остался, ибо по сути не важно, каким именно способом записан – «граммо» – звук – «фон». Виниловыми дисками их тогда не называли – просто «пластинки».

⁶⁷ По паспорту – электрофон сетевой транзисторный.

Друг друга глушат станции в эфире,
в своей всех уверяя правоте,
и не дают звучать «заветной лире»,
которой, впрочем, нет уже нигде.

Разделение мира «по Октябрю 1917-го» кануло в прошлое, но звук «заветной лиры» не зазвучал вновь.

Но пластинка была классная. Песни свежие, необычные, перетекающие одна в другую, исполнители неординарные. Как писал Ян Абрамович Френкель на конверте (специальный конверт поднимал стоимость стереопластинки с эстрадной музыкой на 25 копеек – до 2 рублей 15 копеек; классика с таким конвертом стоила 1 рубль 45 копеек): «Композиция «Как прекрасен мир» – результат вдумчивой, серьёзной работы молодого композитора, лауреата премии Московского комсомола».

Высокий уровень альбома давал нам понять, что и поэты тоже выбраны высокого уровня. Две песни были на стихи Кирсанова: «Танцевальный час на Солнце» и «Жил-был я». Поскольку только на стихи Евтушенко⁶⁸ было тоже две песни, а остальным поэтам (включая Виктора Гавриловича Харитонов: с ним к 30-летию Победы Тухманов напишет непревзойдённый «День Победы») досталось по одной песне, мы поняли, что Кирсанов – крупный поэт.

Собственно, это мы поняли и по стихам, свежим и неординарным, никак не похожим на те, что мы «проходили» в школе, и по стилистическому диапазону, делавшему одну песню на его стихи совершенно не похожей на другую.

Но мы так подробно рассказываем эту историю не из желания поделиться воспоминаниями молодости. Пока что наша память не напоминает переворачиваемые песочные часы, где самый нижний слой вдруг оказывается наверху.

Просто так получилось, что на равном расстоянии от переулка, названного именем Маяковского, и театра, где он впервые выступал, жил один из самых преданных и верных его учеников⁶⁹. Приведём на эту тему несколько фактов:

16-летний Кирсанов в 1922-м году организует Одесскую ассоциацию футуристов.

Два года спустя организуется Юго-ЛЕФ⁷⁰ в поддержку Московского ЛЕФа Маяковского. Кирсанов становится ответственным секретарём этого журнала.

В 1925-м Кирсанов при активной поддержке Маяковского переезжает в Москву.

В 1931-м Кирсанов, выполняя данное самому себе обещание

Здесь, в крематории, пред пепловою горсткой

⁶⁸ Евгений Александрович Гангнус (по матери – Евтушенко; 1932–07–18 – 2017–04–01) – один из крупнейших советских (а временами – антисоветских) деятелей культуры, получивших совокупное название «поколение шестидесятников». Более всего прославлен как поэт, но достаточно успешен также как прозаик, публицист, сценарист, режиссёр и даже актёр. В 1963-м номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Один из немногих заметных советских творческих деятелей, часто и надолго ездивших по всему свету, включая откровенно враждебные к СССР страны. Многократно демонстрировал разногласия с властью, но ни разу не довёл их до уровня, в напряжённой политической обстановке способного вызвать её давление. О нём можно рассказать ещё очень много, но поскольку с Одессой он никак не связан, воздержимся от столь далёкого уклонения от темы книги, а эти сведения приводим только для иллюстрации значения Кирсанова в нашей культуре.

⁶⁹ Единство было не только художественным, но и политическим. За несколько месяцев до самоубийства Маяковский, отчаявшись защититься от травли со стороны Российской – впоследствии Всесоюзной – ассоциации пролетарских писателей (он сам создал и возглавлял Левый фронт – тоже коммунистический по духу, но не столь фанатичный и догматичный), вышел из своего ЛЕФ и вступил в ВАПП. Кирсанов резко осудил эту идейную перемену и страшно рассорился с Маяковским лично. При жизни Маяковского они так и не примирились.

⁷⁰ Левый фронт. Имелся в виду фронт искусств: тогда противоборства между различными течениями в искусстве сопровождалась привязкой к политическим позициям.

присягу воинскую я даю
в том, что поэму выстрою твою
как начал строить ты, товарищ Маяковский⁷¹.

выпускает поэму «Пятилетка»

Семён Исаакович опубликовал за всю жизнь около 30 стихотворных сборников. На его стихи написано около 60 песен, включая один из гимнов Одессы – «У Чёрного моря».

На стихи 23-летнего поэта 23-летний композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович написал «вокальную» симфонию «Первомайская». К 80-летию поэта композитор Аркадий Борисович Томчин написал одноактную оперу «Сказание про царя Макса-Емельяна», а к 100-летию композитор Владимир Исаакович Боровинский написал рок-ораторию «Зеркала». К сожалению, ни оперу, ни ораторию, ни две сюиты, ни большую часть песен на свои стихи Кирсанов не услышал. Он умер 1972–12–10 в 66 лет.

Но интерес к его творчеству жив. И это главное доказательство того, что мы стоим у дома верного по духу ученика Маяковского. И, добавим, хорошо, что мы знаем поэта Семёна Кирсанова, не пошедшего по пути отца и не оставшегося закрыщиком Семёном Кортчиком (хотя и к этому у него были способности).

Для завершения главы стремительно продвигаемся к Русскому театру, пропуская много интересного. Мы вернёмся к этим объектам, честное слово, в третьей главе.

От дома Кирсанова движемся на Дерибасовскую, переходим её (не бойтесь, она пешеходная в этом месте, как и на большей своей части), проходим вдоль фасада восстановленной гостиницы «Большая Московская» и сворачиваем в переулок вице-адмирала Жукова.

В конце первого квартала – здание Русского театра. Вновь обратимся к быковской биографии Маяковского «Тринадцатый апостол»: «Вместо скандала Одесса встретила футуристов доброжелательным любопытством и снисходительным благодушием. Стихи всех футуристов в «Одесских новостях» назвали банальными и плохо сделанными. Обычные слушатели, наводнившие в тот день Русский театр (Греческая, № 48), воспринимали футуристов как безобидных и даже даровитых шарлатанов (особенно всем понравился публично поглощаемый чай), всерьёз не приняли, но позабавились. Так что билеты на следующий вечер – 19 января – тоже продавались успешно».

Заметим для точности, что с 1912-го года здание функционировало как скейтинг-ринг⁷², где одесситы катались на роликовых коньках и знакомились друг с другом, а 1914–01–16 и с футуристами. Лично нам приятно, что выступления в Одессе прошли со «снисходительным благодушием»; похоже, Одесса была более европейским городом, чем города в самой Европе, куда толерантность пришла лет 70 спустя.

Проблемы, однако, у Маяковского возникли. Он «скоропостижно» влюбился и решил немедленно жениться. Однако его избранница – Мария Денисова – не была готова к такому натиску. Она «в плановом порядке» вышла замуж за инженера и с ним благополучно уехала в Швейцарию. Весьма благоразумный поступок с учётом начавшейся вскоре Первой Мировой войны.

Но тот неординарный характер, который разглядел 20-летний Маяковский в 19-летней Денисовой за несколько дней в Одессе, проявил себя.

Расставшись с мужем, Денисова – с маленькой дочкой! – возвращается в революционную Россию, идёт на фронт гражданской войны и в Первой Конной руководит работой художественно-агитационного отдела. Она рисует плакаты и карикатуры для армии в то же

⁷¹ Семён Кирсанов. Стихотворения и поэмы. 2006, с. 21.

⁷² <http://rusteatr.odessa.ua/component/content/article/9-uncategorised/214-khleboe-mesto-muzy-melpomeny.html>

время, когда Маяковский с невероятным напряжением делает это в РосТА – Российском телеграфном агентстве – в масштабах всей страны.

Мария Александровна выходит замуж за члена Реввоенсовета Первой конной Ефима Щаденко. Под двойной фамилией Денисова-Щаденко как скульптор успешно участвует в выставках в Италии, Швейцарии, Дании. После тяжёлой болезни, лишившись возможности ваять, покончила с собой в 1944-м. Аналогично уйдёт из жизни главная женщина Маяковского – Лиля Брик, хотя она совершит самоубийство не в 50, а в 86 лет.

А неудачный роман выльется в гениальную поэму (извините за невольный каламбур) – «13-й апостол». По цензурным соображениям (до революции православная церковь была государственной, и многие вариации на христианские темы считались не просто кощунственными, но преступными) она опубликована под вполне футуристическим названием «Облако в штанах». Как мы любили повторять мгновенно впечатывающиеся в память строки – тем более, что действие происходит в Одессе:

Это было,
Было в Одессе.
«Приду в четыре», – сказала Мария.
Восемь.
Девять.
Десять.
Вот и вечер
В ночную жуть
Ушёл от окон,
Хмурый, декабрь.

Совершенно неважно, что события января перенесены на декабрь – к поэме, написанной столь эмоционально, бессмысленны мелочные придирки. Очень точно написал Евгений Евтушенко, комментируя на обложке пластинки своё исполнение поэмы:

«Облако в штанах» – величайшая поэма о неразделённой любви, которую я когда-либо читал. Сила её в том, что она не сглажена ретроспективностью и её слова исторгались из поэта не воспоминательно, а перемалывая его душу в тот самый миг, когда они прорывались из души на бумагу. Не будучи таким философско тонким, как Пастернак, таким безраздельно лиричным, как Есенин, таким отточенным, как Ахматова, Маяковский, несомненно, побеждал этих своих замечательных современников своим темпераментом»⁷³.

Пожалуйста, посмотрите фотографии Марии Денисовой; Маяковский не просто так столь впечатлён ею.

Маяковский регулярно возвращался в Одессу для выступлений. Это была его стихия, он был рождён для публичного чтения своих стихов, для диспутов и «перебарывания» негативно настроенной к нему части публики. Об одном из выступлений – в феврале 1924-го года – оставил подробную запись в своём дневнике литературовед Лев Рудольфович Коган⁷⁴. Приведём небольшой выразительный отрывок:

«Читал он воистину замечательно. И голос чудный, богатый интонациями, сильный, звучный и гибкий, и разнообразие оттенков,

⁷³ <http://staroeradio.ru/audio/17400>

⁷⁴ <http://odessa.club.com.ua/history/h024.phtml>

великолепное умение без всяких ухищрений передать деталь – цветовую или звуковую. Он явно был стихотворцем, оратором, трибуном, рожденным говорить с массой. Публика партера, явно пришедшая ради скандала, была заморожена. Те самые стихи, которые в печатном виде казались непонятными, насильственно разорванными по рубленным строчкам, оказались вполне понятными, ритмичными и, главное, не традиционными, и вполне сегодняшними, и поэтому очень близкими».

От Маяковского-чтеца остались лишь небольшие записи. Остались и фильмы, где он был и актёром, и сценаристом, и даже режиссёром – но немые. Всё это слушается и смотрится в силу несовершенной техники звукозаписи и архаичности немного кино достаточно слабо.

Но осталась его поэзия. О ней он сам очень точно написал свои практически последние строки:

Мой стих
трудо́м
 громаду лет прорвёт
и явится
 весомо,
 грубо,
 зримо,
как в наши дни
 вошёл водопровод,
сработанный
 ещё рабами Рима.

Мы считаем, что так оно и вышло. «Всего и делов-то», – как старательно повторял русскую идиому датский переводчик в «пьесе для кино» Александра Володина «Осенний марафон».

Глава 3

Преподаватель Мицкевич и доктор философии Франко

Сейчас мы, как и обещали, вернёмся на Дерибасовскую, чтобы посмотреть то, что пропустили, стремительно перемещаясь от дома Кирсанова к Русскому театру, и показать дом, где работал Адам Мицкевич. Пойдём при этом, пользуясь прямоугольностью сетки улиц, другим маршрутом, чтобы не пропустить интересные, на наш взгляд, объекты или «пару мелких забавных подробностей», как любит выражаться старший из нас.

Вообще Владимира очень впечатляет реакция москвичей на некоторые речевые обороты Анатолия. То, что в Одессе никакого необычного впечатления не производит, в Москве часто воспринимается изысканной шуткой. Вот какой сильный имидж у Одессы как «Столицы Юмора».

Прежде всего – о Русском театре. Он так, как ни странно, называется так с 1875-го года⁷⁵. Здесь ставили и играли всё, поэтому и великих актёров на его сцене побывало множество: от Сары Бернар до Марии Заньковецкой. В 1927-м году театру присвоили имя скончавшегося председателя Губисполкома. С тех пор у нас непревзойдённо логичное название театра – Русский драматический театр имени Иванова.

Как и Оперный театр, Русский театр работал в годы румынской оккупации, причём открылся в апреле 1942-го года пьесой Гоголя «Ревизор». С учётом нравов Румынии (её в СССР в 1930-е годы называли почему-то «боярской») пьеса выбрана «архи-актуальная».

Впрочем, в отличие от Гоголевского Городничего, городской голова Одессы тех лет был достаточно приличным человеком. Выпускник Киевского юнкерского училища Герман Васильевич Пынтя оказался хорошим хозяйственником. Правда, он пришёл на должность с хорошим, по-современному выражаясь, «бэкграундом»: был мэром Кишинёва несколько раз в двадцатые и тридцатые годы. После войны его судили, но оправдали (беспрецедентно!) и дали выехать в Румынию. Повторный суд в Румынии также закончился оправданием. Более того, сейчас одна из улиц Кишинёва носит его имя.

Рядом с Русским театром Одесский ТЮЗ. Театр переехал сюда из здания, доставшегося ему от кафешантана при гостинице «Северная», организованного её практичными хозяевами. Как утверждали недоброжелатели, так они повышали занятость номеров, когда посетители кафешантана добивались благосклонности кого-то из кордебалета...

Именно в этом зале, достаточно неожиданно расположенном во дворе гостиницы, выступал Маяковский 20–23-го февраля 1924-го года; о впечатлениях от этого выступления мы только что рассказали.

До ТЮЗа, носящего нынче имя Юрия Олеши (sic!), в здании была Одесская оперетта – самый любимый одесситами театр. Он так органично вписался в жизнь города, что очень быстро забылось: театр получен по обмену, а его ведущие актёры – не одесситы по рождению. В 1953-м году во Львов для укрепления идеологического фронта перевели театр Совет-

⁷⁵ Здание построил – как сугубо временное и крайне быстро – архитектор Гонсиоровский в связи с гибелью Городского театра. Тот сгорел, как мы рассказывали, 1873–01–02, а «временный» открылся уже в 1874-м. Но высокий класс архитектора позволил зданию – с рядом перестроек и реконструкций – оставаться театром до наших дней.

ской Армии, а в Одессу – вероятно, совершенно безнадежную в глазах начальства с точки зрения идеологии – пришла оперетта.

Когда теперь приходишь в ТЮЗ, поражаешься, как столь крохотный зальчик с небольшой сценой играл такую роль в культурной жизни Одессы. Примерно так же изумляешься, попав на Таганку – особенно на старую сцену.

Лидер труппы – Михаил Григорьевич Водяной – первым из артистов оперетты удостоен звания Народного артиста СССР. «Факт, не имеющий прецедента», как сказала в главе XIX «Золотого телёнка» секретарша Полыхаева Серна Михайловна⁷⁶. И это при том, что Водяной работал на сцене в Одессе, а в кино снимался очень мало. Зритель вспомнит, пожалуй, из его 14 киноработ только гротескную роль Попандопуло в фильме «Свадьба в Малиновке». Нам также очень нравится, выражаясь языком Американской киноакадемии, «мужская роль второго плана» в фильме «Опасный возраст». Отец Лилии приезжает из Мурманска в тщетной попытке помешать разводу дочери. В коротком эпизоде «прочитывается» вся биография этого бескомпромиссного и мужественного моряка. Играет Водяной – уроженец Харькова – с неистребимым одесским акцентом, трудолюбиво выработанным в театре, заслуженно носящем теперь его имя. Нам же приятно, что среди великих Вассерманов мира есть и наш однофамилец Михаил Григорьевич Водяной⁷⁷.

Ещё более важное признание заслуг: оперетте – единственному из городских театров – в советское время построили новое здание. Правда, стройка затянулась неимоверно⁷⁸, и в городе реально переживали, что легендарная труппа не доживёт до открытия. Театр в итоге открылся и сейчас это самая «крутая» театральная площадка города. Впрочем, Оперный немного поменял политику и сейчас принимает на своей сцене не только оперных и балетных гастролёров. Увы, такая конкуренция не влияет на цены гастрольных представлений. Как заметил Михаил Жванецкий: «В театре не те, кто хочет, а те, кто могут». Новое здание мы обязательно посмотрим, когда будем идти от памятника Высоцкому к дому, где жил Чуковский.

Пока же мы доходим до конца Греческой улицы и поворачиваем по Преображенской направо, чтобы не пропустить невероятный шедевр архитектора Л. Л. Влодека⁷⁹ – здание гостиницы «Пассаж». Вход в гостиницу – с Преображенской, но не из самого Пассажа. Это слово означает сквозной проход. Первый этаж гостиницы занят торговыми учреждениями и прорезан проходом, обеспечивающим доступ к ним. Поэтому можно регулярно бывать в этом проходном дворе столь точно названной гостиницы, чтобы «срезать угол», спеша с Преображенской на Дерибасовскую⁸⁰. Но тогда изумительные скульптуры и невероятное количество лепнины перестаёт потрескаться⁸¹. Если же бывать не очень часто, то даже у одес-

⁷⁶ Кстати, говорила она это, находясь близко от здания оперетты. Но об этом чуть позже.

⁷⁷ В официальных документах приводится фамилия «Водяной». Даже указы о награждении выписаны на эту фамилию – а в них указывают именно то, что сказано в паспорте: например, псевдоним замечательного советского фантаста «Кир Булычёв» раскрыт в указе о награждении Государственной премией СССР авторских коллективов фильмов «Через тернии к звёздам» и «Тайна третьей планеты», где сценарист назван открыто – Игорь Всеволодович Можейко (до того доктор исторических наук скрывал от коллег своё несерьёзное, по их мнению, хобби). Но племянница артиста – <http://fakty.ua/193013-u-mihaila-vodyanogo-byla-zavetnaya-mechta-sygrat-ecshe-tri-rol-i-chaplina-bendera-i-teve-molochnika> – утверждает: у этой еврейской семьи – именно немецкая фамилия. Вероятнее всего, фамилию изменил ещё отец Михаила Григорьевича: в первые послереволюционные годы многие представители национальных меньшинств русифицировали имена.

⁷⁸ Анатолий участвовал в уборке строительного мусора в ходе отделочных работ. Тогда советский обычай привлекать инженеров и научных работников к срочным работам, требующим значительного неквалифицированного ручного труда, выглядел нелепой растратой сил и времени ценных специалистов. Лишь в постсоветское время стало ясно: в стране, где нет ни безработных, ни гастарбайтеров, только так можно в разумные сроки справляться с разовыми или сезонными работами.

⁷⁹ Кроме Прохаски, Гонсиоровского и Влодека в Одессе работали и другие замечательные архитекторы, но мы пока встречаемся не с ними.

⁸⁰ Геометрически расстояние одинаково, но выгадываешь на менее плотном потоке людей.

⁸¹ По личному опыту Владимира, ходившего с женой по просьбе дочери в Оперный театр на каждое представление

ситов захватывает дух. Не замечаешь, что снаружи здание четырёхэтажное, а внутри двора – трёхэтажное, не обнаруживаешь фальшивого окна в декоративной стене на выходе на Дерибасовскую, и прочих тонкостей чисто архитектурной работы. Даже не думаешь, что не очень комфортабельно жить в номере с двойным светом и воздухом. Просто стоишь и зачарованно любуешься красотой, достойной – без преувеличения – любой европейской столицы. Также восхищает невероятный темп строительства: громадина с тремя дворами построена всего за два года. В магазинах, занимающих первый этаж, остались оригинальные деревянные двери⁸², а на выходе на Дерибасовскую – замечательная потолочная мозаика.

Итак, мы вышли на Дерибасовскую, чтобы немедленно перейти к другому шедевру того же Льва Львовича – гостинице «Большая Московская». Впрочем, остановимся на секунду посреди пешеходной Дерибасовской, чтобы оценить над самым входом в Пассаж Меркурия на паровозе. Об этом Анатолий подробно рассказывал в первой книге – сейчас достаточно просто полюбоваться столь нестандартной фигурой на крыше здания. Кстати, детальное изучение старинных открыток с изображением «Пассажа»⁸³ показывает: сначала скульптуры точно копировались и над крылом, идущим вдоль Преображенской улицы (так что и паровозов было два!), но потом с того крыла исчезли, как и могучая башня над углом здания.

Если по мнению Владимира Ильича Ленина «Империализм – высшая стадия капитализма», то по нашему мнению «Большая Московская» – высшая стадия одесского модерна. В Одессе модерн немало, поскольку именно он господствовал как архитектурный стиль в то время, когда город «перезастраивался». «Есть на что приятно посмотреть», как выражался (по другому поводу, конечно) старшина Федот Евграфович Васков в «А зори здесь тихие». Но то, что предстаёт перед нами, особенно мощно и даже избыточно. Мы видим уже не здание, а скульптурное произведение. И не удивительно – декором занимались скульптор «Атлантов» Фишель и скульптор «Пассажа» Самуил [увы, отчество нам неизвестно] Мильман. Тут описывать сложно – нужно только видеть.

Мы очень рады, что усилиями одесского бизнесмена Руслана Серафимовича Тарпана здание возрождено буквально из руин. Причём возрождено исключительно добросовестно. Перед началом реставрации в архивах Вены, где провёл последние годы архитектор гостиницы, отысканы оригинальные рисунки и чертежи. По ним специалисты воссоздали 21 000 (!) элементов аутентичного декора. По периметру крыши также появились каменные вазы. В 2014-м году из Италии привезены хрустальные шары. Все эти элементы соответствуют изначальному замыслу архитектора, но утрачены ещё в период революции 1917-го года. Так здорово восстанавливали только Оперный театр, воспроизведя квадратный балкон на самой крыше здания. Этот балкон был в чертежах Оперного, но не установлен при строительстве.

Правда, для повышения ёмкости гостиницы и «сокрытия от глаз» современных элементов систем жизнеобеспечения здания достроены мансардные этажи. Тут, конечно, на язык просится фраза горинского Мюнхгаузена: «Когда меня режут – я терплю, но когда меня дополняют, мне становится нестерпимо». Надстройки сделаны, впрочем, «в духе произведения». Будем считать их умеренной платой за спасение такого архитектурного шедевра. Можем для полного успокоения предположить, что торговцы чаем братья Дементьевы и Васильев⁸⁴, будь их бюджет больше, именно с такой мансардой построили бы свою «роскошную, комфортабельную, доступную» (как гласила реклама) гостиницу. Конечно, эти вза-

«Лебединого озера» года полтора, знаем: даже невероятная красота одного из лучших театров мира может перестать поражать, если наблюдать её слишком часто.

⁸² Интересно, что в русском языке слово «оригинальный» имеет два почти противоположных значения.

⁸³ <http://crimee.com.ua/odessapassagh6.html>

⁸⁴ Для старшего поколения, видевшего фильм «Чапаев», конечно, логичнее было бы наоборот: братья Васильевы и Дементьев.

имоисключающие характеристики – роскошь и доступность – присутствовали вследствие наличия номеров разной категории. Но о комфортабельности свидетельствовал факт постоянного проживания в гостинице некоторых жильцов.

Печати, аналогичные знаменитому «резиновому Полыхаеву» (см. «Золотой телёнок», гл. XIX), были в ходу заведения, занимавшего это здание после революции⁸⁵. Более того, есть точная географическая привязка «Геркулеса». Помните, Паниковский под видом слепого пытается ограбить Корейко. Потом оба чуть не попадают под автобус; Паниковский разоблачён, собирается большая толпа и «*В Городском саду перестал бить фонтан*». Повернитесь от гостиницы на 180° – надеемся, фонтан работает.

Забавно, что гостиница именовалась «Большая Московская» – при том, что другой «Московской» гостиницы в Одессе не было. Да и странно бы узнать о существовании в Одессе гостиницы с названием «Малая Московская». Во времена нашей молодости в здании, кроме гостиницы, размещался кинотеатр «Хроника» – и действительно показывал в основном хронику. Там мы посмотрели, в частности, фильм Михаила Ильича Ромма «Обыкновенный фашизм». После него для нас отождествление нацизма и коммунизма, мягко говоря, некорректно. Правда, сам Ромм – похоже, даже с удовольствием – строил изобразительный ряд так, чтобы подчеркнуть параллели между Германией и хорошо знакомой нам советской стилистикой. Но тем очевиднее, что никаких иных – кроме стилистических – параллелей не было. Более того, впоследствии мы убедились: в 1930-е годы сходная эстетика бытовала и в Соединённых Государствах Америки – а уж их мало кто считает тоталитарной⁸⁶ державой, хотя как раз тогда ради выхода из Первой Великой депрессии там применялись методы государственного вмешательства в экономику, изрядно напоминающие практику Третьей Германской империи, хотя и далеко не дотягивающие до советского уровня управления хозяйством⁸⁷. Как бы то ни было, главное в фашизме – нескрываемое стремление строить благополучие для своих ценой ущемления чужих (по крови – нацизм, по гражданству – шовинизм, по месту жительства – колониализм и т. п.), тогда как главной идеей социализма всегда было формирование благополучия для всего мира. Даже если по ходу к социалистической цели чьи-то интересы страдали – это рассматривалось как трагическая жертва, подлежащая возмещению в каком-то будущем.

А ещё в этом же доме был магазин «Золотой Ключик» – один из ярчайших символов Дерibasовской. Фирменный магазин кондитерской фабрики имени Розы Люксембург⁸⁸ (мы

⁸⁵ Тогда довольно многие гостиничные здания превратились в учрежденческие. Так, в знаменитом московском «Метрополе» поселилось столько видных деятелей советской власти, что естественным образом они стали решать прямо по месту жительства львиную долю служебных вопросов. Но дело не только в жилье. Социализм перевёл под контроль государства значительную часть хозяйственной деятельности. Поэтому появилось множество учреждений, управляющих этой деятельностью – их до революции просто не было. Но парадоксальным образом в постсоветское время число учреждений, связанных с хозяйством, ещё выросло: они, правда, уже не управляют, а только контролируют – но выяснилось, что проверять достоверность отчётов от частных предприятий сложнее, чем от государственных.

⁸⁶ Анатолий в статье <http://izvestia.ru/360509> «Тоталитаризм – это борьба» отмечает: тоталитаризм – всего лишь способ сосредоточения всех сил общества ради решения единой задачи, а посему нет смысла считать его безоговорочно плохим, а можно лишь рассматривать, хороша или плоха сама эта задача.

⁸⁷ К началу 1950-х годов в СССР примерно 9/10 валового внутреннего продукта создавали предприятия, пребывающие в государственной собственности и работающие по единому плану. Правда, примерно 9/10 разнообразия названий продукции давали предприятия, принадлежащие тем, кто на них работает (у нас их называют артелями) и работающие по самостоятельным планам, хотя и взаимодействующие с государственным сектором хозяйства. Как установлено впоследствии, такая структура производства оптимальна, пока нет технической возможности вычислять в разумный срок полный план производства для всего хозяйства. По оценке Анатолия, нужная для такого расчёта вычислительная мощность и степень интернетизации накопится в мире во второй половине 2020-х годов.

⁸⁸ Люксембург, Розалия Элияшевна (1871–03–05 – 1919–01–15) – соучредительница. Международного женского дня 8-го марта, одна из основательниц коммунистической партии Германии. В её честь была переименована Полицейская улица Одессы (мы о ней ещё расскажем). Была у нас и улица, названная в честь второй соучредительницы женского дня и соосновательницы КПГ – Эйснер (по мужу – Цеткин), Клары Жозефины Готфридовны (1857–07–05 – 1933–06–20). Рядом с этой улицей – теперь, как и до революции, Лютеранским переулком – живёт Владимир.

ещё помним фантазмагорические присвоения названий фабрикам и заводам) завораживал оформлением и взрослых и детей. И сейчас фабрика, переименованная в «Люкс» (для сохранения преемственности с Люксембург, как мы понимаем), выпускает достойные наборы конфет – обязательный компонент подарков, везомых младшим из нас к старшему. Но фирменный магазин покинул Дерибасовскую и переместился к Новому Привозу⁸⁹.

Украшен «Золотой ключик» был с той же избыточностью, с которой была построена (и – повторимся – в чём-то вылеплена) «Большая Московская». Бедный папа Карло⁹⁰ поразился бы изобилию декоративных украшений магазина. Это был хорошо продуманный маркетинговый ход – дети просто не хотели уходить из него, вынуждая родителей делать всё новые и новые покупки. В семье Владимира до сих пор вспоминают, как его трёхлетняя дочка крикнула на весь магазин: «Мы забыли купить папе «Рачки»⁹¹!». Конечно, она и заботилась о любимом папе, и хотела ещё чуть-чуть побыть в таком сказочном месте.

Через дорогу от «Большой Московской» здание, где был прекрасный Одесский Дом Книги. Самые наблюдательные экскурсанты могут увидеть, что здесь Дерибасовская прогнута. Когда-то на этом месте нашей главной улицы был мост. Военная балка вовсе не формально переименована в Военный спуск. Она была значительно больше и включала как нынешний Военный спуск, так и современную Гаванную улицу. Когда вы шли по ней и стояли у дома Кирсанова, то не догадывались, что идёте по засыпанной части Военной балки. У самого дома Кирсанова засыпан и мост через неё после выравнивания местности. Мост на пересечении Дерибасовской и Военной балки просто разобрали, когда местность достаточно нивелировали. Но небольшой прогиб всё же остался.

Дом книги был настоящим Домом. Он занимал около 800 квадратных метров. Центральная часть – зал двухэтажной высоты, причём опоясан балконом: на первом этаже справа (если смотреть от входа) точные науки, слева – гуманитарные; на балконе – изобразительная продукция и книги по изобразительным искусствам и архитектуре. В левом одноэтажном крыле – ноты и книги, связанные с музыкальными искусствами; в правом – художественная литература. Справа подальше от Дерибасовской – букинистический отдел с отдельным входом с улицы; слева сзади – отдел книг одесских издательств тоже с отдельным входом с улицы. Между этим и музыкальным отделами – служебные помещения, где Анатолий проводил немало времени, изучая планы издательств и заполняя бланки предварительных заказов на предусмотренную этими планами научную и техническую литературу: когда книга приходила в магазин, открытку отправляли почтой, и для выкупа книги надо было предъявить эту открытку. Сейчас издательства также собирают предварительные заказы от магазинов, но читатели в этом процессе не участвуют – зато упростилась допечатка по мере распродажи стартовых тиражей.

Нынче в доме отель, кафе, четыре магазина одежды, магазин обуви; книжного магазина нет. Поверьте – в Одессе есть где купить книги: сейчас мы пройдем мимо одного книжного, потом – мимо самого большого в городе. По разнообразию изданий мы давно опередили советские годы. Но всё же сейчас многое из бывшего тогда вспоминаем с грустью. Например, тиражи большинства тогдашних книг в десятки и сотни раз больше, чем аналогичных нынешних – и сотни тысяч человек находили время всё это прочесть. Да и возможность зака-

⁸⁹ К торговому центру «Новый привоз» мы ещё подойдём. Но на всякий случай настоятельно рекомендуем посетить его хотя бы вне рамок нашей экскурсии. Дело в том, что на всех колоннах здания висят старинные фотографии зданий Одессы, напечатанные в хорошем размере и качестве. На наш взгляд, очень интересно (и – скажем шёпотом – даже мы не всё опознаём).

⁹⁰ Алексей Толстой, желая понравиться новой власти, перекрестил Иосифа из «Пиноккио» в Карла в своём «Буратино». Так он хотел избежать ассоциаций с Евангелиями и намекнуть на марксизм – альтернативный вариант созидания нового человека. Перескажи он сказку лет на 10 позже, имя «Иосиф» наверняка бы осталось и в «русифицированной версии».

⁹¹ Популярная карамель «Раковая шейка» – правда, со вкусом не раков, а смеси кофе с какао.

зять книгу заблаговременно вселяет немалую уверенность. Вдобавок все нынешние книжные магазины Одессы выглядят не храмами, как Дом книги или тоже давно закрытый магазин научной и технической литературы «Два слона», а скорее супермаркетами: атмосфера изменилась.

Продолжая поход по Дерибасовской, мы подошли к дому № 16. Это зданию исходного Ришельевского лицея. «Исходного», поскольку в Одессе и сейчас работает Ришельевский лицей, но образованный на базе средней школы. При всех его достоинствах, старый и нынешний Ришельевские лицеи – «две большие разницы».

Впрочем, историю лицея пересказывать не будем – мы много внимания уделили ему во второй книге⁹². Нам интересен один скромный молодой преподаватель словесности – Адам Николаевич Мицкевич (1798–12–24 – 1855–11–26). Как и положено классику польской поэзии, Адам Мицкевич родился в литовской дворянской семье⁹³. Отец его принадлежал к старинному литовскому дворянскому роду Мицкевичей-Рымвидов. Мать поэта происходила из литовского дворянского рода Маевских, известного в Новогрудском воеводстве Литовского княжества с 1650-го года. Кстати, Новогрудок⁹⁴ нынче и вовсе в Белоруссии, что позволяет считать Адама Мицкевича, родившегося на хуторе недалеко от этого древнего города (первое упоминание – 1044-й год), деятелем белорусской культуры. Сам он себя считал «литвином», что в нашем нынешнем понимании тождественно литовцам⁹⁵, но в то время – всему населению Литовского княжества (не зря нынешние поборники увековечения отделения белорусов от остальных русских часто именуют себя не белорусами, а литвинами).

В 17 лет Мицкевич поступил на математический факультет виленского – ныне вильнюсского – университета, но быстро перешёл на историко-филологический. Аналогичный случай в следующем столетии прокомментировал математик Давид Оттович Гильберт, когда узнал, что один из его учеников в итоге стал поэтом:

– Ничего удивительного: для математика у него было маловато фантазии.

У Мицкевича, впрочем, и с этим и с энергией, и с организаторскими способностями всё хорошо. Он организует во время учёбы общество «филоманов» и пишет романтические стихи, посвящённые свободе и грядущему освобождению Литвы и Белоруссии от России (то

⁹² Книга 2, стр. 68–89, 159, 319.

⁹³ Он далеко не единственный литератор, прославившийся не в культуре своего рождения. Приведём несколько известнейших примеров. Александр Стеванович Пётрович (1823–01–01 – 1849–07–31) – серб по отцу и словак по матери – прославился как венгерский поэт Шандор Иштванович Петёфи, поборник независимости Венгрии и подчинения ей южных и западных славян, автор множества замечательных стихотворений, включая гимн вооружённому восстанию «Патриотическая песня», и погиб в бою с русскими войсками, введенными в Венгрию, отделившуюся от Австрии, для пресечения насилия венгров над славянами, в свою очередь пожелавшими независимости. Ксаверий Юзеф Теодор Конрад Аполлонович Коженёвский (1857–12–03 – 1924–08–03) – классик английской романтической приключенческой прозы Джозеф Конрад. Вильгельм Альберт Владимир Александр Аполлинарий (отчество неизвестно; предположительный отец – итало-швейцарский аристократ Франческо Флюджи д'Аспермонт) Костровицьки герба Вонж (1880–08–26 – 1918–11–09, французский поэт Гийом Аполлинер. Борис Леонидович Пастернак (1890–02–10 – 1960–05–30) – сын уже не раз упомянутого здесь художника Аврума Ицхока Лейба Иосифовича Постернака, лауреат (1958) нобелевской премии по литературе «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа», и его русскокультурность никого не сомневает. Вспоминается фраза из энциклопедии, процитированная Юлианом Семёновичем Ляндресом – Юлианом Семёновым! – в романе «Приказано выжить» из «Штирлициады»: «Великий русский художник Исаак Ильич Левитан родился в бедной еврейской семье». Да и его однофамилец Юдка Беркович – Юрий Борисович – Левитан – один из лучших русских радиодикторов.

⁹⁴ В современном белорусском написании – Навагрудак. При разработке орфографий для западных и юго-западных диалектов русского языка принят фонетический принцип: что слышим – то пишем. В литературной русской орфографии принят принцип фонематический: что могли бы слышать, если бы звуки не менялись под воздействием соседей – то пишем. Фонетический принцип проще для первоначального обучения, зато фонематический легче для восприятия носителями разных диалектов с разными формами произношения одного и того же написанного текста. Именно поэтому литературная норма, созданная для единства великого народа и великой культуры, фонематична, а сепаратистские движения, культивируемые поляками на оккупированных ими окраинах Руси, избрали фонетическую орфографию.

⁹⁵ Сам этот народ в те времена ещё не вполне осознавал себя как единый: различия между жемайтами и аукштайтами были важнее и для них самих, и для их соседей.

есть – в тогдашних политических обстоятельствах – восстановлению владычества Польши над ними). Исключительно похоже по направлению на ранние романтические стихи Пушкина. Дальше тоже параллели: одного ссылают на юг в мае 1820-го, другого – в начале 1825-го. Тут уместно вспомнить замечательную песню Бориса Оскаровича Бурды «Ссылка в Одессу». Мы, к сожалению, не нашли текст ни в его персональном разделе⁹⁶ на сайте «Барды»⁹⁷, ни вообще в Интернете, и цитируем по памяти относящийся к теме куплет:

Не меньше пресловутого Дантеса
На Пушкина был царь российский зол:
Безжалостно сослал его в Одессу,
И этим зверским актом на себя навлек позор.
А что? В Одессе жить поэтам жуть!
У них другая точка рандеву:
Любой умеющий писать хоть чуть-чуть
Бежит немедля из Одессы в Москву.

Впрочем, Пушкин в Одессе работал (пусть формально) в канцелярии генерал-губернатора Новороссийского края М. С. Воронцова, а Мицкевич – после «отсидки» в монастыре базилиатов в Вильно – прибыл в Одессу преподавать словесность (по представлениям ХХ века – работа идеологическая) в Ришельевском лицее. Сидел Мицкевич в связи с деятельностью кружков «филоманов» – любителей науки – и «филаретов» – друзей добродетели. Конечно, деятельность эта была скорее просветительской и – максимум – вольнодумной, а не подрывной (про терроризм вообще никто не слыхал). Но тем не менее показательно отношение министерства народного просвещения и лично министра – адмирала Александра Семёновича Шишкова: он разрешил практически всем бывшим узникам выбирать место службы⁹⁸. Мицкевич и его приятели Ежовский и Малевский выбрали Одессу, причём Мицкевич и Ежовский выразили желание преподавать в Ришельевском лицее. Ходатайство было удовлетворено (!), да ещё и выделено 300 рублей ассигнациями на дорогу. Прекрасная иллюстрация нравов эпохи правления Александра I (а ведь это его поздний, а не либеральный период).

Тут, конечно, сословность общества играла ключевую роль. Дворяне – «свои». В конце того же 1825-го декабристы с тем же чувством «своего» посвятили уже нового царя – победившего их в прямом военном столкновении Николая I – во все детали своей деятельности. Они искренне убеждены: «свой Первый дворянин» прислушается, оценит красоту идей и станет во главе их реализации. С тем же чувством Пушкин 1826–12–22 пишет свои «Стансы» (если не думать, что это тонкий царедворский ход для помощи сосланным декабристам, что можно заподозрить по последней строфе):

Семейным сходством будь же горд;
во всём будь пращурю подобен:
как он неутомим и твёрд,
и памятью, как он, незлобен.

⁹⁶ <http://bards.ru/Burda>

⁹⁷ <http://bards.ru>

⁹⁸ Венедикт Александрович Мякотин. «Адам Мицкевич. Его жизнь и литературная деятельность». СПб, 1898. Биографическая библиотека Флорентия Фёдоровича Павленкова «Жизнь замечательных людей». https://books.google.de/books?id=hM8DDQAAQBAJ&pg=PT26&lpg=PT26&dq=что+преподавал+мицкевич+в+одессе&source=bl&ots=_fZU1VWai4&sig=pFpfNDYwgdTvPUCDaoPCJmHgcds&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjGudSVqKjRAhWF1SwKHQJlQpQwEg

Мицкевич, как и Пушкин до него, принят в Одессе с симпатией и сочувствием. Это не история Михаила Иосифовича Веллера⁹⁹ в Таллине после эмиграции Сергея Донатовича Довлатян-Мечика. Напротив, Мицкевич окружён ореолом борца за вольность, причём как участник этой борьбы находит сочувствие не только среди одесских поляков (что логично), но и у всего высшего света молодого интернационального европейского города. Такое общество сочло бы тезис «если человек отсидел за идею – это не доказательство её правильности» не комильфо.

В этой атмосфере Мицкевич влюбляется в жену польского магната Иеронима Собаньского (мы его упоминали в связи с Сабанскими казармами¹⁰⁰; кроме жены и казарм, он не известен практически ничем: даже его место на родословном древе нам не удалось отыскать в Интернете) Каролину Розалию Теклу Адамовну Ржевускую. В «забавной» компании её, её бывшего мужа (развод католиков всё же оформлен в 1825-м), её гражданского мужа генерала Ивана Осиповича де Витта и её брата Генриха Ржевуского (имя, впоследствии известное в польской литературе) Мицкевич путешествует по Крыму. Собанскую Мицкевич ревнует, что логично: по его мнению, человек с таким «облико морале», что ей – при всей упомянутой нами сословной лояльности – отказала в приёме в своём доме сестра де Витта (у них одна мать – София Константиновна Глявоне) княгиня Ольга Станиславовна Потоцкая (по мужу Нарышкина¹⁰¹; в её честь названа Ольгиевская улица), способен на всякое. Примерно то же думал Отелло о своей Дездемоне: если, нарушив обычаи Венецианской республики, она вышла замуж за него – мавра, то на следующем этапе может нарушить правила семейной жизни и стать любовницей его лейтенанта Кассио.

«В сухом остатке» мы имеем: легенду, что курортная местность под Одессой – Каролино-Бугаз – названа в честь Каролины Сабанской; поиски следов Собанской в творчестве Пушкина (самый явственный след – автограф стихотворения «Что в имени тебе моём» в альбоме Собанской¹⁰²); ряд сонетов Мицкевича с инициалами адресата D.D. Сонеты описывают все этапы взаимоотношений: от робкой влюблённости через бурную страсть к горькому разочарованию. Так что разрешение уехать в Москву в ноябре 1825-го пришло очень кстати. Мицкевич немедленно им воспользовался, и в Одессе больше не бывал.

Умер он в 1855-м – от холеры, в Константинополе. Туда его занесла идея «сколотить» польский легион для помощи Оттоманской империи в очередной войне с Россией¹⁰³. Затея для штатского довольно самоуверенная¹⁰⁴.

Простим Адаму Мицкевичу эту попытку: на национальном (особенно польском) вопросе ломались многие. Печальнее то, что поэт скоропостижно умер, лишив читателей многих прекрасных ненаписанных произведений. Но у нас его и любят и почитают. Кроме мемориальной доски на Лицее, открыли памятник – к нему мы скоро подойдём. И – вишенка на торте – среди переводов Мицкевича есть созданные Кирсановым. Из них популярней-

⁹⁹ См. «Ножик Сергея Довлатова».

¹⁰⁰ Книга 1, стр. 261.

¹⁰¹ Книга 2, стр. 13.

¹⁰² <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/lit/lit-8762.htm>

¹⁰³ У нас эту войну называют Крымской, ибо только в Крыму антирусская коалиция из трёх империй – Британской, Османской, Французской – и пары стран помельче благодаря удобному снабжению морем смогла накопить достаточное превосходство, чтобы за год с лишним одолеть русские войска, снабжаемые по грунтовым дорогам через узкий перешеек. Во всех прочих местах боевых столкновений на суше и на море – северо-восток нынешней Турции, Одесский залив, Финский залив, Соловки, Петропавловск-Камчатский – войска коалиции, несмотря на также значительный численный перевес, оказались разбиты и отступили.

¹⁰⁴ Правда, уроженец Одессы Вольф Евнович – затем Владимир Евгеньевич, впоследствии Зеев – Жаботинский (1880–10–18 – 1940–08–04) справился с зеркальной задачей: в ходе Первой Мировой войны его Еврейский легион воевал против Османской империи.

ший – «Посвящение в альбом», потому что музыку к этим стихам написал вышеупомянутый Давид Тухманов и включил в свой второй диск «По волнам моей памяти».

На Лицее установили и мемориальную табличку в честь визитов туда Пушкина. Но про него мы, пожалуй, не будем рассказывать. Высоцкий писал для кино бесконечно, а песни не брал практически ни один режиссёр. И не только по цензурным соображениям. Песни в большинстве на порядок мощнее, чем фильмы, куда они предназначались. Они реально рвали бы ткань картины. Так и у нас: Пушкин слишком крупная фигура, чтобы говорить о нём по ходу наших одесских прогулок. Ограничимся только тремя «маленькими забавными подробностями».

К нескольким мемориальным доскам, фиксирующим пребывание Пушкина в различных домах юной Одессы, прибавился контур его, нарисованный на асфальте на углу Дерибасовской и Ришельевской. Спорное решение, сразу вызывающее в памяти изображение места убийства в стандартном детективном фильме.

Прекрасный памятник Пушкину на Приморском бульваре (без его осмотра не обходится ни одна хрестоматийная экскурсия в Одессе¹⁰⁵) можно рассматривать как фонтан: из ртов четырёх весьма условных дельфинов, расположенных по углам постамента, льётся вода в четыре чугунные чаши¹⁰⁶, чтобы из них перелиться в прямоугольный бассейн вокруг памятника (кстати, мы не помним ни одного ремонта водопроводных труб, расположенных внутри памятника: надёжно сделано). Так что мы имеем фонтан Пушкина, из-за чего пришлось сделать и второй – стандартный – памятник у его дома на Пушкинской (Итальянской), № 13¹⁰⁷.

В советское время при осмотре памятника Пушкину непременно рассказывали, как его специально развернули спиной к Городской думе в знак недовольства неучастием Городской думы в финансировании сооружения памятника. Полная чушь. Во-первых, памятник логично смотрит на аллею Приморского бульвара. Во-вторых, в момент сооружения в здании за спиной памятника была не Дума, а Городская биржа. Дума, кстати, была в одном из полуциркульных домов около памятника Ришелье, так что наш задумчивый Пушкин смотрел как раз на гласных Городской думы. В третьих, сбор средств дал меньше половины сметы памятника-фонтана, и Дума таки дала необходимые для завершения строительства деньги. Так что «не читайте за едой советские газеты».

От мемориальной доски Мицкевича переходим на нечётную сторону Дерибасовской, чтобы по Красному переулку дойти до дома, где останавливался Иван Яковлевич Франко (1856–09–27 – 1916–05–28). У нас в недалёкой перспективе памятники Адаму Мицкевичу и Ивану Франко; оба стоят на Александровском проспекте. Так что логично посмотреть на дом, где Франко жил в Одессе.

Пока ещё пару слов про переводы. Конечно, чем масштабнее поэт, тем сложнее его перевести на другой язык: поговорка «переводы – как женщины – либо некрасивы, либо неверны» в прозе работает не всегда, но в поэзии оправдывается почти без исключений. Если переводчик – сам крупный поэт – проблема ещё больше. Вот Дмитрий Быков берёт все интервью без диктофона. Память у него феноменальная, что говорить. Но почитайте три тома «И все-все-все» (включая и интервью с Анатолием): нельзя сказать, что Быков интервьюирует самого себя, но, воспроизводя беседы по памяти, он – вольно или невольно – шлифует речь собеседника под свой стиль.

¹⁰⁵ Книга 1, стр. 32–33.

¹⁰⁶ Чаши изготовлены и подарены еврейским обществом «Труд». Его руководитель Меир Янкелевич Дизенгоф впоследствии стал первым мэром Тель-Авива. Мы увидим здания этого общества во второй части экскурсии.

¹⁰⁷ Книга 1, стр. 16.

С другой стороны, великие переводы делают творчество автора в другой языковой среде живым и современным. Точно знаем (дочь Владимира в Торонто общалась с учениками High School, то есть по-нашему – старших классов средней школы), что Мольера и Шекспира в оригинале сейчас воспринимают намного хуже, чем мы с невероятным богатством переводов на современный русский язык¹⁰⁸.

Добавим тут же, что проблемы с цензурой, вынуждавшие наших первоурядных – а то и великих – литераторов десятилетиями заниматься переводами, для нас обернулись не только доступностью литературных титанов прошлого. Были ведь – чего греха таить – созданы целые эпосы народов СССР, что повысило самооценку этих народов. Это тоже здорово.

Мы дошли до угла Греческой и Малого переулка. На доме № 42 по Греческой мемориальная доска, сообщающая, что в этом доме в 1909-м году жил великий украинский писатель, революционер-демократ Иван Франко.

Начнём с сенсации: Франко не переводил Мицкевича на украинский язык. Это сенсационно потому, во-первых, что Франко знал польский язык столь свободно, что ещё в гимназии регулярно выполнял задания по польскому языку в поэтической форме. Во-вторых, обладая феноменальной памятью, он знал 14 языков и при желании мог бы перевести Мицкевича с польского на, например, немецкий. Ведь переводил же он «Фауст» Гёте на украинский. И мог «с листа» переводить детям сказки братьев Гримм, читая их перед сном. А вот Мицкевича на украинский не переводил. Хотя как знать – нам известно «всего» 5000 (!) произведений Ивана Франко. Может, затерялась какая-то сотня, включая переводы Мицкевича.

Не затерялась – что крайне осложнило жизнь Ивана Франко – его статья о психологии творчества Мицкевича, по случаю его юбилея: «Der Dichter des Verraths» «Поэт измены» (в венском журнале «Zeit»). После этого, как говорил Жванецкий по поводу своей шутки на концерте в Сочи в «застойные годы» – «И Сочи для меня закрылся!». Так для Франко с конца XIX века закрылись все польские газеты и журналы.

Вообще, жизнь Франко в Галиции в период бурного кипения национальных страстей была сущим наказанием. Человек безграничного дарования, поэт, писатель, этнограф, экономист, философ, гражданский и политический деятель, был всеми привлекаем и всеми осуждаем. Вся его жизнь, без преувеличения, борьба. Борьба за кусок хлеба в детстве и в юности, борьба за минимальный достаток в семье до самой смерти, борьба за право писать то, что думаешь, и придерживаться тех политических взглядов, какие считаешь верными.

Ему доставалось от всех, хотя никто не отрицал его эрудиции, литературных и редакторских талантов, потрясающей памяти и невероятной работоспособности. Поэтому его бесконечно приглашали руководить различными журналами, публиковали его поэмы, романы, научные исследования – и ругали, «не пуцали» и просто травили.

Франко пытался стоически всё это переносить. С невероятной энергией он занимался своим образованием и самообразованием. Будучи сиротой и зарабатывая после дрогобычской гимназии репетиторством, в 19 лет поступил на философский факультет Львовского университета. Там вступил в товарищество «Академический кружок», быстро эволюционировал до масштаба гражданско-политического деятеля, заслуживающего ареста. В 1877-м году арестован австрийским правительством (всего арестов было четыре). Затем возобновление учебы во Львовском университете (1878–1879; всего 7 семестров), потом окончание высшего образования в университете Черновицком (аж 1890–1891), потом докторантура в

¹⁰⁸ Не страдает от многовековых изменений языка разве что Израиль. Там школьники спокойно читают ивритскую часть кумранских рукописей, созданных с 250-го года до нашей эры по 68-й год нашей эры. О чуде возрождения иврита мы ещё расскажем в связи с Хаимом Нахманом Ицхок-Иосефовичем Бяликом. Но кто знает, как изменится этот язык в грядущие века существования страны и народа?

Венском университете и защита (1893) докторской диссертации «Варлаам и Йоасаф, старо-христианский духовный роман и его литературная история».

Профессорский сенат Львовского университета избрал его на кафедру украинской и старорусской литературы, но наместник Галиции и Лодомерии граф Казимир Феликс Ладиславович фон Бадени (1846–10–14 – 1909–07–09) не допустил до утверждения в професуре человека, к тому времени уже трижды сидевшего в тюрьме, да ещё основавшего «Русско-Украинскую радикальную партию». От этой партии Франко трижды баллотировался в сейм Галиции и даже в австрийский парламент, но избран, конечно, не был.

Последние годы жизни его были ещё трагичнее. Умирает старший сын, жена регулярно лечится от психического заболевания. Сам Франко уже с 52 лет страдает от инфекционного ревматоидного полиартрита, парализующего его руки. Физически он совершенно беспомощен и в тщетной надежде поправить здоровье приезжает в Одессу. Воспоминания очевидца об этом визите¹⁰⁹ читать бесконечно тяжело.

Как видим, тяжёлый физический недуг сочетается и с душевным расстройством. Смерть, наступившая 1916–05–28, явилась не только избавлением, но и примирением всех с Франко. Начинается культ Франко. Ему – скромному и до конца жизни небогатому человеку – ставят самый заметный памятник на Лычаковском кладбище Львова. В Польше 1918–1939-м годах все – социалисты, марксисты, националисты – выдвигают его на щит. В его громадном научном и литературном наследии (более 100 томов на украинском, русском, польском, немецком языках) каждый находит подходящий фрагмент, который можно считать подтверждением своей идеологии.

С приходом советской власти «Show must go on». В честь Ивана Франко переименовывают не только посёлок городского типа Янив, но и целый город Станислав. В силу тождественного написания фамилии писателя и испанского диктатора (различие только в ударении), город и посёлок называются Ивано-Франково и Ивано-Франковск. Если бы аналогичный приём был использован для Проскурова, у нас был бы Богдано-Зиновье-Хмельницкий.

После СССР Франко, конечно, остаётся в Пантеоне великих украинцев. Но – как и положено такому масштабному – даже не человеку, а явлению – стоит особняком. Когда Франко открывали памятник в Одессе, то отметили, что он хотел увидеть море, но сам был целым океаном. Сравнение ёмкое. Во-первых, до сих пор полностью не известно, что таится в глубинах его творчества. Поэтому отношение властей к нему почтительное, но опасливое и осторожное. Как того океан заслуживает. Во-вторых, если посмотреть в его чистые воды в штить, то увидишь своё отражение. И это тоже справедливо по отношению к творчеству Ивана Яковлевича Франко.

¹⁰⁹ <http://litakcent.com/2009/03/04/ivan-franko-v-odesi/>

Глава 4

Академик Бунин и конармеец Бабель

Мы стоим на углу Греческой и Красного переулка и имеем возможность посмотреть на редчайший пример гражданского строительства в Одессе в конце 1930-х годов. В начале того десятилетия ещё строили жилые дома (конечно, в стиле конструктивизма; больше в столице – в Харькове, но чуть-чуть и в Одессе), но в конце его в Одессе построили буквально пару жилых домов. Они перед нами. Мы не специалисты в архитектуре, но знаем: «чистый», аскетичный, математически выверенный конструктивизм – явление посерьёзнее. Тем не менее эти два небольших дома выглядят очень симпатично.

По чётной стороне осталось несколько из старейших домов Одессы. В домах № 18–20 размещён Греческий фонд культуры и музей, посвящённый «Филики Этерия» – «обществу друзей», созданному в Одессе с целью освобождения Греции от Османского ига. Это, конечно, отдельная тема, но рекомендуем в свободное от нашей экскурсии время заглянуть туда. Даже тем, кто, как принято сейчас выражаться, «совершенно не в теме», увидеть одесский дворик начала 1820-х годов – уже любопытно.

Без преувеличения, без Одессы не было бы ни современной Греции, ни современного Израиля. Чтобы убедиться в первом, нужно изучить деятельность общества «Филики Этерия». Для подтверждения второго факта хотя бы прочитайте мемориальную доску на доме № 12 по переулку Нечипуренко – мы скоро будем проходить мимо.

Пока же мы прошли весь Красный переулок, вышли на Т-образный перекрёсток на улице Бунина и упёрлись в Книжный супермаркет – наибольший из магазинов сети. Другой магазин той же книжной сети мы видели в доме № 18 по Дерибасовской, когда шли к смежному с этим домом зданию Ришельевского лицея. Так что сети – даже книжных магазинов – выживают¹¹⁰.

Короткий бросок по Бунина направо – и мы у памятника Мицкевичу. Памятник небольшой, современный (открыт в 2004-м году), с двумя надписями: «Польскому поэту-романтику Адаму Мицкевичу – одесситы» и ««Он между нами жил... и мы его любили». А. С. Пушкин». Чёткое ощущение: не подружись Пушкин с Мицкевичем в Москве во второй половине 1820-х годов – не видать нам этого памятника.

Если стоять лицом к памятнику Мицкевичу, то у нас за спиной здание бывшего ресторана «Киев»: три высоких этажа. В постсоветское время главный зал ресторана, простирающийся на всю высоту здания, занял банк «Приват», а помещения вокруг зала превратились в кормилица и торговые точки. В 1872-м году здесь было, естественно, другое здание. Там, в частности, Елене Петровне Блаватской – знаменитой впоследствии писательнице-теософке – принадлежала торговая точка по продаже чернил. И туда в гости к двоюродной сестре забегал будущий премьер-министр Сергей Юльевич Витте¹¹¹.

¹¹⁰ Пока писалась эта книга, сетевой Книжный супермаркет на Бунина переехал на пару кварталов – во Дворец Культуры имени Леси Украинки: даже логично.

¹¹¹ http://obodesse.at.ua/publ/aleksandrovskij_prospekt_ot_ulicy_bunina_do_ustpenskoy/1-1-0-59

Итак, мы на улице Бунина. Бунин на ней не жил, но название прижилось максимально гладко. До того улица была имени Розы Люксембург (как и кондитерская фабрика, напомним). По дороге сюда мы пересекли параллельную Греческую – в советское время, естественно, Карла Либкнехта. Карла Пауля Фридриха Августа Вильгельмовича и Розалию Эльяшевну убили одновременно – 1919–01–15 – в Берлине после подавления восстания спартаковцев, так что улицы их имени в советских городах всегда были рядом¹¹². В пригороде Одессы Люстдорфе – Весёлом Селе – был немецкий совхоз имени Карла Либкнехта с центральной улицей его же имени. Тут Розы Люксембург рядом не было – возможно в силу её еврейского происхождения.

До Розы Люксембург улица носила имя героя обороны Порт-Артура генерал-лейтенанта (посмертно) Романа Исидоровича Кондратенко, а до этого была Полицейской. Да, ещё при румынах она именовалась улицей 16-го октября; в 1941-м году в этот день румынские войска вошли в Одессу, оставленную Красной армией по приказу Верховного Главнокомандования СССР.

Как видим, у топонимической комиссии при переименовании оказался небогатый выбор. Бунин пришёлся очень кстати. Вдобавок как раз были опубликованы у нас его «Окаленные дни» – упоительное чтение эпохи развенчания большевизма. Потом знаменитый одесский краевед и писатель Почётный гражданин нашего города Олег Иосифович Губарь «раскопал», что был полицмейстер Бунин, так что переименование улицы Полицейской в Бунина приобрело тонкое «послевкусие».

Иван Алексеевич Бунин – первый Нобелевский лауреат в истории русской словесности. Толстому не дали, Горькому не дали, Бунину дали.

Оно и логично. Толстому хотели дать первую – в 1901-м году – Нобелевскую премию по литературе. Тогда резко воспротивился секретарь Шведской академии Карл Давид аф Винсен: «Этот писатель осудил все формы цивилизации и настаивал взамен их принять примитивный образ жизни, оторванный от всех установлений высокой культуры... Всякого, кто столкнётся с такой косной жестокостью по отношению к любым формам цивилизации, одолеет сомнение. Никто не станет солидаризироваться с такими взглядами»¹¹³.

В итоге первую премию получил «за выдающиеся литературные добродетели, особенно же за высокий идеализм, художественное совершенство, а также за необыкновенное объединение душевности и таланта, о чём свидетельствуют его книги» французский писатель Сюлли-Прюдом (Рене Франсуа Арман Сюллич Прюдом) – и это при живых Анатоле Франсе (Франсуа Анатолий Франсуа-Ноэлевич Тибо) и бывшем в списке номинантов 1901-го года Эмиле Эдуарде Шарле Антуане Франсуа-Антуан-Жозефовиче Золя! Анатолий Франс, впрочем, получил премию 1921-го года (при 17 других номинантах) «за блестящие литературные достижения, отмеченные изысканностью стиля, глубоко выстрадавшим гуманизмом и истинно галльским темпераментом». Эмиль Золя скончался 1902–09–29 (в 62 года); официально – от отравления угарным газом. Была версия о намеренно заблокированном дымоходе в камине. Смерть до октября текущего года лишает возможности получить премию. В крайнем случае, можно скончаться в промежутке между нобелевской неделей в начале октября и вручением премии в декабре, но не раньше октября. «Таких не берут в номинеры Нобелевские лауреаты».

¹¹² В случае осуждённых 1921–07–14 в Плимуте, Массачусеттс по явно ложному обвинению, казнённых 1927–08–23 и официально оправданных 1977–08–23 тогдашним губернатором Массачусеттса Дукакисом активистов движения за права рабочих Фердинандо Сакко (в анархистском подполье – Никола Мосмакотелли) и Бартоломео Ванцетти зачастую довольствовались одной улицей – Сакко и Ванцетти, но этому способствовала короткая фамилия Сакко. В Одессе, впрочем, были отдельные улицы Сакко, улица и переулок Ванцетти.

¹¹³ <http://kozhinov.voskres.ru/articles/nobel.htm> Кожинов. В. Нобелевский миф. // Кожинов В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра – М.: Воениздат, 1997.

Если бы первую премию дали Толстому (среди 24 официальных номинантов 1901-го его и не было), то был бы задан такой высокий стандарт, что далее последовала бы просто «игра на понижение». Так что поступили логично: взяли за «точку отсчёта» Сюлли-Прюдома – и дальше было только лучше.

Горькому тоже не дали. Нобель писал в завещании: «... Указанные доходы следует разделить на пять равных частей, которые должны распределяться следующим образом: ... четвёртая – создавшему наиболее значительное литературное произведение идеалистической направленности». Конечно, не все премии достались произведениям «идеалистической направленности»¹¹⁴, но Шведская академия не могла вручить премию писателю, придерживавшемуся столь невысокого мнения о человеке, что в конце жизни он одобрил коммунистический эксперимент по созданию нового человека.

Ивану Алексеевичу Бунину премию дали в 1933-м с лаконичной и выразительной формулировкой: «за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы». В бесконечно ёмком Интернете есть документальные кадры нобелевского банкета с участием Бунина¹¹⁵. Обратите внимание на даму со свечами на голове.

Среди других 27 номинантов того же года – Максим Горький (Алексей Максимович Пешков), Карел Антонинович Чапек, Эптон Синклер (Аптон Биэлл Аптон-Биэллович Синклер) и Хаим Бялик (Хаим Нахман Ицхок-Иосифович Бялик – о нём нам предстоит подробный разговор во второй части экскурсии). Был среди номинантов и другой эмигрант – Дмитрий Сергеевич Мережковский; рекордсмен по количеству выдвигений на эту премию – он выдвигался десять раз¹¹⁶, но, как мы знаем, не удостоен.

Про Бунина мы уже писали в связи с газетой «Южное обозрение» и краткой женитьбой. Посмотрите на его фотографии. Очевидно, что такой человек не будет стоять в очереди за писательским пайком, даже если паёк ему «выбьет» Сам Максим Горький.

Дальний родственник Бунина – незаконнорождённый сын Афанасия Ивановича Бунина поэт Василий Андреевич Жуковский. Вот как у нас в литературе всё закручено.

Дважды лауреат Пушкинской премии (1903-й, 1909-й год), почётный академик Санкт-Петербургской академии наук по разряду «изящной словесности» проучился в Елецкой гимназии до середины четвёртого класса. Сейчас с таким образованием его бы и в курьеры не взяли. Но благодаря самообразованию и усилиям старшего брата (что характерно и для нашей пары) никто не мог упрекнуть Ивана Бунина в необразованности.

Печататься начал в 17 лет. Сперва стихотворения, потом параллельно проза – бунинская проза, точно охарактеризованная Шведской академией. После революции – страстная и всепоглощающая ненависть к большевизму (и к народу, по большей части поддержавшему большевиков). Поэтому летом 1918-го он оказывается в занятой австрийцами Одессе.

Получилось точно как в диалоге Остапа Бендера с дворником Тихоном¹¹⁷:

– А твоего барина что, шлёпнули? – неожиданно спросил Остап.
– Никто не шлёпал. Сам уехал. Что ему тут было с солдатней сидеть...

Бунин тогда, пожалуй, мог приехать только в Одессу. С первого приезда (строго говоря, в Люстдорф – на дачу беллетриста Александра Митрофановича Фёдорова) в 1896-м году

¹¹⁴ Ярчайший пример – Уинстон Леонард Рэндолф-Хенрич Спенсёр Черчилл, за мемуары «Вторая Мировая война» и речи в парламенте награждённый в 1953-м «за высокое мастерство произведений исторического и биографического характера, а также за блестящее ораторское искусство, с помощью которого отстаивались высшие человеческие ценности». Также удостоены Нобелевской премии по литературе несколько историков.

¹¹⁵ <https://youtube.com/watch?v=3hJpLbrALXM>

¹¹⁶ http://nobelprize.org/nomination/archive/show_people.php?id=6190

¹¹⁷ «Двенадцать стульев», глава V «Великий комбинатор».

и до бегства сюда в 1918-м Иван Алексеевич был в нашем городе не менее 30 раз. Как мы уже рассказывали, здесь он женился в первый раз и прожил с женой Анной Николаевной Цакни около полутора лет. В марте 1900-го по её настоянию он уезжает из Одессы, а в августе того же года Анна родила единственного сына писателя – Николая. Бунин регулярно приезжает в Одессу, чтобы видиться с любимым сыном. Продолжает он любить и молодую жену (она моложе писателя на 10 лет и вышла за него замуж в восемнадцатилетнем возрасте – сразу после окончания гимназии), но останавливается не в их общем доме на Пастера, № 44, а в гостиницах либо у знакомых. В январе 1905-го мальчик умирает. «Рана Бунина не зажила никогда. Он так и не смог примириться со смертью Коли. Вторая жена В. Н. Муромцева-Бунина вспоминала, что и в Париже старый и немощный Бунин подолгу смотрел на фотографию Коли, плакал о чём-то, с ним тихо беседовал...»¹¹⁸.

Несмотря на трагическую эту историю, Бунин продолжает любить Одессу и регулярно бывать в ней. Со второй женой¹¹⁹ Верой Николаевной Муромцевой (кстати, племянницей председателя Первой Государственной Думы Российской империи Сергея Андреевича Муромцева) Бунин едет в свадебное путешествие в Палестину, но на несколько дней в апреле 1907-го останавливается в Одессе. Регулярно живя в Одессе в последующие годы, он работает над корректурой 6-томного Полного собрания сочинений, вышедшего в 1915-м году, над рассказами «Чаша жизни», «Я всё молчу», пишет стихи. Так что, как говорилось в некогда популярной рекламе: «При всём богатстве выбора другой альтернативы нет»; с июня 1918-го по 1920–02–06 Бунин живёт и работает в Одессе.

Это было фантазмагорическое время. Начинается гражданская война, город бесчисленное множество раз переходит из рук в руки. Даже глубокие исследования не могут точно определить количество смен власти в городе. Если верить книге «Зелёный фургон» (о ней и её авторе разговор чуть позже), то были периоды, когда в городе было несколько властей.

И одновременно – высочайший накал культурной жизни города, становящегося культурной столицей Юга России. Начало положено революционным (две революции за год!) 1917-м годом.

В промежутке между двумя революциями режиссёр Александр Ефимович Разумный снял в Одессе при поддержке Севастопольского совета рабочих и солдатских депутатов одну из первых фильм¹²⁰ «революционной тематики» – «Жизнь и смерть лейтенанта Шмидта», где первую свою кинороль сыграл Лейзер Иосифович Вайсбейн – к тому времени уже Леонид Осипович Утёсов.

Одесса – натуральный Ноев Ковчег революционного Потопа. В городе одновременно творят как крайне левые деятели искусства, так и представители старой школы.

Особенно ярко это проявляется в среде художников. В ноябре 1917-го состоялась первая выставка картин «Общества независимых художников»: тон в нём задавали так называемые «левые» – кубисты, футуристы.

Одесские художники-авангардисты не только искали новые формы выразительности в искусстве, но и выступали за радикальное изменение общества. Октябрьский переворот представлялся им событием, навсегда освобождающим художника от цензуры. Поэтому в большинстве своём они поддержали советскую власть и ленинский план «монументальной революционной пропаганды». К празднику 1 мая 1919 г. одесские авангардисты (первый народный комиссар искусств Одессы Амшей Маркович Нюренберг, Александра Александровна Экстер, Макс Исаевич Гельман, Сандро Фазини – старший брат Ильи Ильфа Сруль Арьевич Файнзильберг) взялись за «революционное оформление» города. То же самое,

¹¹⁸ <http://mecenat-and-world.ru/41-44/kovach2.htm>

¹¹⁹ Правда, брак оформлен только в 1922-м году.

¹²⁰ В те времена это слово бытовало в женском роде, ибо взято из английского, где означает любую плёнку.

напомним, происходит в революционном Питере, а также в Витебске, где тон задаёт первый комиссар по охране памятников старины Москвы Казимир Северинович Малевич.

Одновременно пытается работать «Товарищество Южнорусских художников», ориентированное на классический стиль в политике и живописи.

Поддержали советскую власть и новаторы литературы Одессы: Эдуард Георгиевич Багрицкий (Эдуард Годелевич Дзюбин – или Дзюбан), Юрий Карлович Олеша, Анатолий Фиолетов (Натан Бенъяминович Шор, чей младший брат Осип стал прототипом Остапа Бендера) и др. В апреле – августе 1919-го эти авторы активно работали в пропагандистском большевистском Бюро украинской печати (БУП). В то же время ряд представителей «старой» школы в живописи и литературе не только не поддерживали советскую власть, но и работали в деникинском «Осваг» (**О**сведомительное **А**гентство). Не исключение и академик Бунин. Он лично приветствует Антона Ивановича Деникина, прибывшего в Одессу 1919–10–07, за освобождение города от большевиков. И тоже сотрудничает с Осваг.

Поразительно, как в этих обстоятельствах, на наш современный взгляд совершенно невозможных для жизни, Одесса в 1917–1919-м переживает издательский бум: в ней издаётся около 100 журналов и 270 газет¹²¹! Предельно экзистенциальная ситуация порождает юмористические журналы: «Кузькина мать», «Одесский чудак», «Бомба», «Шпилька», «Яблочко», «Буржуй», «Большая крокодила», «Перо в спину», «Щёткой по лысине»...

Осенью 1918-го в Одессе открывается Политехнический институт (об этом мы подробно писали во второй книге) и новые книгоиздательства: «Южная универсальная библиотека»¹²², «Русское книгоиздательство в Одессе», издательство научной литературы «Гнозис».

Одесса – просто дворец Короля из сказки Евгения Львовича Шварца «Обыкновенное чудо». Напомним: «Король: ... За стеной люди давят друг друга, режут родных братьев, сестёр душат... Словом, идёт повседневная, будничная жизнь. А войдёшь на половину принцессы – там музыка, разговоры о хороших людях, о поэзии, вечный праздник».

В Одессу съезжаются «громкие имена» литературы. Кроме Бунина, в городе работают Алексей Николаевич Толстой, Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин, Аркадий Тимофеевич Аверченко, Николай Николаевич Евреинов, Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая – по мужу Бучинская), Марк Александрович Алданов (Ландау), Дон-Аминадо (Аминодав Пейсахович – Аминад Петрович – Шполянский), редактор «Русского слова» Фёдор Иванович Благов, редактор «Киевлянина» Василий Витальевич Шульгин (пламенный монархист, участник церемонии отречения императора Николая II Александровича Романова, борец против украинизации)... Нашли в Одессе уют и популярные артисты – Леонид Витальевич Собинов, Александр Николаевич Вертинский, Вера Васильевна Левченко (по мужу – Холодная) и многие другие.

Осенью 1918-го Алексей Толстой устраивает в Одессе театральные «вечера чтения» – «среды». Идея сделать «среды» закрытыми и ограничить вход заставляет «всю Одессу» ломиться на эти встречи в «Литературно-Артистическом Обществе». Иван Бунин становится организатором создания первого «толстого» литературного журнала Одессы «Объединение». В Театре «Уралия» с успехом проходят литературные чтения тех же Бунина, и Толстого, но и «революционного» Багрицкого, а «Дом кружка артистов» становится одним из центров культурной жизни Одессы 1918–1919-го годов.

¹²¹ <http://history.odessa.ua/publication8/stat12.htm> До революции в Одессе не только ежегодно печаталось около 600 изданий (80 % на русском языке и 1–3 % на его южном диалекте, тогда разрабатываемом под названием украинского языка), но и выходило около 60 местных газет и примерно 30 журналов. А вот в 1920-м – уже при большевиках – только 10 местных газет и 3 журнала: «Известия», «Одесский коммунист», «Моряк», «Профессиональная жизнь», «Большовик» и др.

¹²² Оно выпустило 52 книжки, в мягких обложках, карманного размера: сперва – бывших в Одессе Бунина, Алексея Николаевича Толстого, Тэффи, затем Киплинга, Уэллса, де Мопассана, Франса и др.

С октября 1918-го по март 1919-го на возрождённой кинофабрике «Мирограф» снято 11 художественных фильмов. В четырёх из них снялась звезда немого кино Вера Холодная. Тогда же несколько полнометражных картин выпустила кинофабрика «Мизрах» (на иврите – «восток»). В «красной» Одессе апреля – августа 1919-го преимущественно снимались агитфильмы Одесской кинофабрикой Всеукраинского фотокиноуправления. Три художественные фильмы сняты в Одессе в эпоху денкинцев (август 1919 – февраль 1920): этот период живописно проиллюстрировал Никита Сергеевич Михалков в фильме «Раба любви».

В Одессе тех лет созданы Союз театральных деятелей, Школа сценического искусства, Свободная мастерская пластических искусств. Порадовали любителей музыки программы в Одесской филармонии сезона 1918-го года концерты Рейнгольда Эрнеста Морицевича Глиэра, а театралов – гастроли труппы Московского художественного театра в 1919-м.

Но «окно возможностей» закрывается фантастически быстро.

Комиссар просвещения Одессы Евгений Николаевич Щепкин¹²³ приказывает реорганизовать театры «по типу театров Советской России» и ликвидировать «мещанский» театр, журнал «Пролетарская культура» призывает сформировать театр «нового типа», занимающийся большевистской пропагандой и агитацией, а все местные театры превратить в «орудие социалистической культуры». Так начинается монополия на всё – в том числе в области культуры.

В жизни Ивана Алексеевича Бунина было много мрачных периодов. Возможно, на описание некоторых из них просто не хватило сил¹²⁴. На описание Одессы с июня 1918 по 6-е февраля 1920-го хватило. «Окаянные дни» – дневник трагический, страстный и при-страстный, захватывающий, как взгляд в бездну. Писался он на Княжеской, № 27 в квартире художника Евгения Иосифовича Буковецкого, где Бунину было выделено две комнаты. Там Бунин посетил Валентин Петрович Катаев, находившийся тогда под его большим влиянием. Встречи Катаев описал в одном из своих исповедальных произведений «поздней прозы» – «Трава забвения».

Опыт жизни при большевиках (апрель – август 1919-го) подсказывает Ивану Алексеевичу единственно верное для него решение. Бунины уплывают в Константинополь, чтобы никогда больше не вернуться на родину. Возможно, именно оценка происходящего, столь выразительно названная «Окаянные дни» привела к беспрецедентному явлению. Немолодой писатель, столь успешный в предреволюционной России, с традиционными для него сложностями личной жизни, находящийся в стеснённых материальных обстоятельствах и в другой языковой среде, создаёт в эмиграции лучшие свои произведения. Его друг Александр Иванович Куприн не смог, «красный граф» Алексей Николаевич Толстой – тоже. Вертинский – сложно сказать: что-то было очень хорошо, но «подпытывалось» ностальгией по Родине.

А Бунин смог. И – что отметил в Нобелевской речи – первым из изгнанников получил эту премию. Потом, заметим, это повторилось с Иосифом Александровичем Бродским.

Одессу Бунин не забывал никогда. В рассказе «Гая Ганская» (цикл «Тёмные аллеи») предстаёт незабываемая для него прелесть нашего города, дом Либмана на углу Дерибасовской и Преображенской с кофейней на первом этаже. Героиня рассказа встречается с художником, в чьей внешности узнаём черты весьма ценимого Буниным (и жившего в Париже в одном с Буниным доме) представителя «Южнорусской школы» Петра Александровича Нилуса. «Мне почему-то вспомнилась одесская весна, – сказал моряк, – ты, как одессит, знаешь всю её совершенно особенную прелесть: это смешение уже горячего солнца и мор-

¹²³ Мы рассказывали о его деятельности в Книге 2 (стр. 83–86).

¹²⁴ Более того – приведенное выше описание насыщенной культурной жизни Одессы говорит и о светлых сторонах этого периода.

ской ещё зимней свежести, яркого неба и весенних морских облаков. И в такие дни весенняя женская нарядность на Дерибасовской»...

Рассказ создавался в годы Второй мировой войны. Бунин очень гордился, что – при всей своей ненависти к большевикам – не стал сотрудничать с нацистами. Более того, согласно недавно обнародованным сведениям¹²⁵, на вилле «Жаннет» в Грасе он с женой прятали по меньшей мере трёх евреев.

Когда Одесса была освобождена от фашистов, Бунин записал в дневнике: «Радуюсь»...

Мы тоже радуемся, что получили возможность рассказать о последнем классике дореволюционной русской литературы, столь многими событиями столь разнообразно связанном с нашей родной Одессой.

Переименование улицы Розы Люксембург в улицу Бунина усилило топонимическую связность одесских улиц: параллельно улице Бунина идёт улица Жуковского¹²⁶. Мы уже упоминали об их родстве. Если бы отец Жуковского дал бы ему свою фамилию, то у нас были бы улицы Василия Бунина и Ивана Бунина. «Но случилось то, что случилось» – как традиционно амбивалентно (мы не боимся этого слова) высказался в ночь с 19-го на 21-е августа 1991-го года тогдашний председатель Верховного совета УССР (а незадолго до того – секретарь по идеологии ЦК компартии Украины) Леонид Макарович Кравчук.

Мы идем один квартал по Александровскому проспекту к улице Жуковского. Справа по ходу движения дом № 4 по Александровскому проспекту. До революции в нём был магазин готового платья братьев Славиных – отца и дяди писателя Льва Ицковича Славина¹²⁷. Как точно сказано в диалоге Лapidуса и Корейко (в связи с бегством Берлаги в сумасшедший дом)¹²⁸:

– Да и родители не в порядке и сам он, между нами говоря, имел аптеку. Кто же мог знать, что будет революция? Люди устраивались, как могли, кто имел аптеку, а кто даже фабрику. Я лично не вижу в этом ничего плохого. Кто мог знать?

– Надо было знать, – холодно сказал Корейко.

– Вот я и говорю, – быстро подхватил Лapidус, – таким не место в советском учреждении.

На углу мы поворачиваем налево и идём уже по Жуковского в сторону уменьшения номеров. По дороге на нечётной стороне на самом углу здание Первой гимназии с мемориальной доской её основательнице Аллы Петровны Быстриной. Будучи «подкреплённой» мужем – заведующим отделом образования областного комитета КПСС, Алла Петровна собрала в школе № 119 лучший педагогический коллектив Одессы. Это дало возможность со временем преобразовать школу в Первую гимназию – символичное и точное название. Самые популярные её выпускники – Леонид Григорьевич Барац и Ростислав Валерьевич Хаит. Поскольку они не только актёры, но и сценаристы, их творчество тоже можно рассматривать «по линии» литературной Одессы. Они, безусловно, достойные продолжатели нашей юмористической традиции. Но о современниках писать не будем – оставим это будущим поколениям.

По диагонали от Первой гимназии – здание, в чьей архитектуре, несмотря на перестройки и выдвинутые стеклянные витрины, улавливается некий православный акцент. Это второе здание Духовной семинарии, построенное в 1876-м году. Как мы рассказывали во

¹²⁵ <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2015-03-26/27287.html>

¹²⁶ Как и улица Гоголя, названа в связи с 50-летием со дня смерти.

¹²⁷ О нём мы рассказывали в Книге 1 (стр. 199–202).

¹²⁸ «Золотой телёнок», глава IV «Обыкновенный чемоданишко».

второй книге в связи с Сельскохозяйственным институтом, в 1903-м году Семинария переехала в ещё большее здание на Канатной улице.

В 1878–1879-м годах в семинарии учился основатель Болгарской Коммунистической партии Димитр Благоев. Поскольку он перевёл на болгарский язык работы Карла Маркса (непростое занятие), а также написал ряд работ по философии, истории, эстетике и о болгарской литературе, его тоже можно причислить к мастерам пера, работавшим в Одессе.

Мы, кстати, знаем ещё одного видного марксиста, учившегося в семинарии. Это Иосиф Виссарионович Джугашвили – Сталин. Понятно, что в своё время наш Александровский проспект, с его громадной для центра Одессы шириной в 80 м и зелёной – бульварной – частью посередине, носил имя Сталина, как и весь район города.

Учёба в семинарии отложила отпечаток на стиль речи Сталина. Напомним: этот стиль, включающий риторические вопросы и немедленные ответы на них, точно спародирован Ильфом и Петровым в речи Бендера над могилой скоропостижно скончавшегося Паниковского:

– Я часто был несправедлив к покойному. Но был ли покойный нравственным человеком? Нет, он не был нравственным человеком. Это был бывший слепой, самозванец и гусекрад. Все свои силы он положил на то, чтобы жить за счёт общества. Но общество не хотело, чтобы он жил за его счёт. А вынести этого противоречия во взглядах Михаил Самуэлович не мог, потому что имел вспыльчивый характер. И поэтому он умер. Всё!

... За зданием гимназии – красивый современный дом. По московскому стилю арка его – въезд в Покровский переулок. На месте школы № 119 (перед Великой отечественной войной – спецшкола ВВС № 14) находилась Покровская Единоверческая церковь¹²⁹ с замечательной колокольной, подобной колокольне Ивана Великого в Московском Кремле. На колокольне имелось 11 колоколов; самый большой весил около 80 тонн. Церковь разрушена в 1930-е годы, а из её стройматериала построена школа. Аналогично из камня Преображенского собора выстроена по тому же типовому проекту школа № 121.

Мы проходим к дому № 27 по улице Жуковского, чтобы остановиться у мемориальной доски, посвящённой ещё одной фигуре на купюре. Портрет Ивана Франко украшает банкноту в 20 гривень, а Леся Украинка (Лариса Петровна Косач – по мужу Квитка) размещена на банкноте в 200 гривень. Это не отражает ни соотношение ценностей этих двух выдающихся писателей для литературы, ни даже частоты встречи с ними на деньгах: как ни странно, купюр в 200 гривень в обороте очень много – больше только купюр в одну гривню с портретом крестителя Руси князя Владимира I Святославича Рюрика (кстати, на купюре в один доллар изображён Джордж Августиневич Вашингтон – первый и самый почитаемый президент Соединённых Государств Америки).

У Леси Украинки и у Ивана Франко много общего. Выдающиеся лингвистические способности, сделавшие каждого полиглотом, громадная эрудиция, разнообразие жанров, в котором каждый из них писал. Леся Украинка так же, как и Франко, была и прозаиком, и публицистом, и драматургом; так же, как и он, писала на нескольких языках. И – снова схожесть с Франко – наиболее ценна для нас её поэзия.

Если Франко был в Одессе только один месяц в 1909-м году, то Леся Украинка бывала, увы, практически ежегодно, начиная с 17-летнего возраста, то есть с 1888-го и до года смерти – 1913-го. «Увы» потому что у 12-летней Ларисы диагностируют костный туберкулёз и даже удаляют часть костей в левой кисти, поражённых этим страшным недугом. После этого начинается сражение с болезнью, поездки на различные курорты, включая регулярные приезды

¹²⁹ <http://russian-church.ru/viewpage.php?cat=odessa&page=38>

в Одессу. Умирает Леся Украинка в Грузии, в местечке Сурами – известном горном климатическом и бальнеологическом курорте – в возрасте всего 42-х лет. Памятники ей стоят во многих городах мира, включая Гайд-Парк Торонто (по историческим причинам в Канаде одна из активнейших украинских диаспор).

Как и Ивана Франко, её издают регулярно и «многотомно»: в 5 томах (1951–56), в 10 томах (1963–65), в 12 томах (1975–79), но не забывают делать «нужные» цензурные пропуски. На то Леся Украинка и классик: каждый раз её творчество открывается новой гранью, и каждый раз есть что-то, не устраивающее «сильных мира сего». Зато есть и будет работа для научно-исследовательского института Леси Украинки при Волынском государственном университете имени Леси Украинки («Остап Бендер не баловал разнообразием дебютов»). Когда у нас проводили телеконкурс «Великие Украинцы»¹³⁰ (по образу и подобию знаменитого конкурса Би-Би-Си «Сто великих британцев»), Лесю Украинку «презентовал» Роман Виктюк. В том конкурсе ноября 2007-го – мая 2008-го года Леся Украинка заняла 9-е место, а Иван Франко – 10-е. Были, впрочем, сомнения в объективности процедуры. А вот в более свежем опросе 2015-го года¹³¹ наша героиня на третьем месте после Тараса Григорьевича Шевченко и Богдана (Зиновия) Михайловича Хмельницкого. Главное, чтобы академическая деятельность института, конкурсы и опросы не «экранировали» от читателя прекрасного поэта – сильного, яркого и многогранного.

Следующая остановка – ещё на квартал ниже и уже на чётной стороне. Исаак Эммануилович Бабель смотрит в окна своего дома¹³². Это один из самых «свежих» одесских памятников – открыт 2011–09–04. Скульптор – Георгий Варганович Франгулян, архитектор Михаил Владимирович Рева. Для одесситов интересно то, что Рева выступает здесь в роли архитектора. Мы его знаем (знаем и лично, но не об этом речь) как скульптора ряда одесских памятников. Медальоны его работы украшают памятник Эрнста Иосифовича Неизвестного «Золотое дитя» у Морвокзала, скульптурная композиция «Одесское время» открыта в Городском саду в октябре 2015-го года. Там же в Горсаду в ходе Юморины 1999–04–01 года установлен памятник «12-й стул». Под стулом на постаменте надпись «Граждане Одессы – Ильфу и Петрову». Площадка радиусом метра три именуется площадью Остапа Бендера, что позволяет считать её «самой маленькой площадью в мире». Главное, что – по неисповедимым законам туристической психологии – именно этот стул стал тем местом обязательного фотографирования, какое есть во всяком туристическом городе. В Вене нужно сфотографироваться рядом со Штраусом, в севастопольском Херсонесе – под колоколом, в Одессе с 1999–04–01 года – сидя на 12-м стуле. Летом очередь желающих очень внушительная – минут на 15–20.

Архитектурная работа одессита Ревы, как мы понимаем, заключалась в том, чтобы правильно сориентировать скульптуру и позволить Бабелю смотреть именно на свои окна большого доходного дома по Ришельевской, № 17, где жила его семья.

Как и при всенародных сборах на памятник Пушкину, народных денег на реализацию проекта было крайне недостаточно. Если в случае «фонтана Пушкина» Городская дума выделила 9000 рублей или почти половину стоимости проекта, то в случае памятника Бабелю треть денег¹³³ выделил наш добрый знакомый президент компании ПЛАСКЕ Олег Исаакович Платонов. Приятно, что благодаря таким людям в Одессе живы традиции меценатства.

Вице-президент Всемирного клуба одесситов, легендарный капитан Одесской команды КВН 1960-х годов Валерий Исаакович Хаит уверяет, что идея установить памятник

¹³⁰ https://ru.wikipedia.org/wiki/Великие_украинцы

¹³¹ <http://news.finance.ua/ru/news/-/350969/ukrainsy-nazvali-samyh-vydayushhihsya-sootechestvennikov>

¹³² https://ru.wikipedia.org/wiki/Великие_украинцы

¹³³ Для самых любопытных сообщаем: 135 тысяч долларов.

Бабелю пришла в его голову после открытия в Одессе памятнику Ивану Франко. При всём уважении к Ивану Яковлевичу – его месячное лечение в Одессе не указывает на глубокую связь с нашим городом. Поэтому по принципу «если установить памятник Франко можно, то установить памятник Бабелю нужно» был объявлен сбор средств, проведён конкурс – и в итоге открыт памятник напротив квартиры писателя.

Победитель конкурса – скульптор Франгулян – автор ряда интересных работ. Многие знакомы с его памятником Булату Шалвовичу Окуджаве на Арбате или надгробием Борису Николаевичу Ельцину на Новодевичьем кладбище. Бабеля Георгий Вартанович решил изобразить сидящим на ступеньках родного дома, рядом с колесом: оно со времени грандиозного и малочитанной¹³⁴ эпопеи Александра Исаакиевича¹³⁵ Солженицына «Красное колесо» стало символом всего. По Франгулян – это и колесо «Извозопромышленного предприятия «Мендель Крик и сыновья»», и колесо Конармии, и колесо истории, переехавшее многих, в том числе и самого Бабеля. Как сказано в мысленном диалоге с Владимиром Ильичом Ульяновым (Лениным):

– Как, Вы не читали «Что делать Чернышевского?». Да эта вещь всего меня перепахала.

– Кого перепахала, а кого и переехала.

Решение получилось спорное. Так, дочь Бабеля Лидия Исааковна, хоть и одобрила проект, написала в адрес Всемирного клуба Одесситов:

Я понимаю желание скульптора показать разные аспекты жизни писателя, его связь с городом, с детством, с Конной Армией, его восприятие эпохи, всего происходящего и будущего.

Сможет ли новое поколение понять всё это, или они просто увидят сугулого, одинокого, грустного человека.

А Бабель ведь был настоящим одесситом – весёлым, жизнерадостным, с искринкой в глазах и с необыкновенным чувством юмора...

С другой стороны, сам Исаак Эммануилович тоже был человек небесспорный, так что неординарный памятник ему – штука логичная.

В его биографии всё неоднозначно и допускает разночтения. Это напоминает заполнение анкеты Виктором Павловичем Штрумом в романе «Жизнь и судьба» Василия Семёновича (Иосифа Соломоновича) Гроссмана: самые простые вопросы не ясны ему самому.

Фамилия – то ли Бобель, то ли Бабель. Дата рождения – то ли 30-е июня, то ли 1-е июля (по старому стилю). Дата и место смерти вообще неизвестны: официально – Москва, 1940–01–27, но масса легенд (начало им положил сам Бабель в своих «художественных» автобиографиях) рассказывает о встречах с ним в различных местах после этой даты. Легенды эти высокохудожественно обобщил в своём первом романе романе «Оправдание»¹³⁶ Дмитрий Быков.

Главная легенда Бабеля – это Одесса. Подобно тому, как Октябрьская революция воспринимается через фильм Эйзенштейна «Октябрь» и матроса, взбирающегося по чугунным завитушкам ворот Зимнего дворца, Одесса на долгие годы воспринимается через призму «Одесских рассказов» Бабеля.

¹³⁴ Анекдот по теме: «В чём разница между матом и диаматом [диалектическим материализмом]? Мат почти все знают, но делают вид, что не знают; диамат почти все не знают, но делают вид, что знают».

¹³⁵ Он предпочёл именоваться Исаевичем – вероятно, из опасения, что его примут за еврея. Жаль, что он не знал ключевой фразы старого анекдота: «А что, Исаакиевский собор – синагога?»

¹³⁶ http://lib.ru/POEZIQ/BYKOW_D/oprawdanie.txt

Это наше счастье и наше горе. Когда художественная картина становится ярче, чем сама действительность, исполняется марксистский тезис «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами»¹³⁷.

Начиная нашу экскурсию с рассказа о Гоголе, мы отмечали, что от него можно пройти к любому другому литератору, о котором мы рассказываем. Но в случае Бабеля – это совершенно прямая дорога. Во-первых (и это мы уже говорили), Гоголь и Бабель создают свой яркий, объёмный, «цветной и широкоформатный» мир, воспринимаемый реальнее самой реальности. У Гоголя это Украина, у Бабеля – Одесса. Во-вторых, оба – люди утончённые и книжные – испытывают невероятную тягу к людям мощным, вольным, страстным, цельным и не склонным к рефлексии. У Гоголя это герои «Тараса Бульбы», у Бабеля – «кентавры» Конармии и герои «Одесских рассказов» (см. статью Дмитрия Быкова о Бабеле¹³⁸ в его учебнике «Советская литература»).

Но Бабелю было несколько легче. Во-первых, уже был Гоголь. Во-вторых, был французский натурализм в лице столь важных для Бабеля Золя и Мопассана¹³⁹. В-третьих, Бабель, как и положено еврейскому ребёнку, изучал Тору и знал иврит. На стыке наук рождаются самые интересные открытия. На стыке ветхозаветного стиля и стиля французской литературы конца XIX века рождается невероятная проза Бабеля.

Великий новатор Маяковский одним из первых оценил её, когда посетил Одессу в феврале 1924-го и познакомился с автором. Рассказы Бабеля, составившие два основных цикла «Конармия» и «Одесские рассказы», публикуются в журнале Маяковского «Леф». Сам Маяковский читал рассказ Бабеля «Соль» из цикла «Конармия» со сцены, а пьесу «Закат» – ряду знакомых. Рано лишившийся отца Маяковский, думаем, захвачен библейской темой «отцов и детей», так драматично воплощённой Бабелем в пьесе «Закат». Библейский миф о жертвоприношении Исаака Авраамом, прямо отражённый в «Тарасе Бульбе» («я тебя породил, я тебя и убью»), революционное колесо проворачивает на 180°. Сыновья Менделя Крика восстают против отца, а в рассказе «Письмо» сыновья, воюющие в Конармии, мстят отцу за убийство старшего брата, пытаются и убивают его.

Эпиграмма «Под пушек гром, под звоны сабель от Зоценко родился Бабель» не отражает генезис этой прозы. Конечно, как и Зоценко, Бабель изумительно точно отражает стилистику речей своих героев. Но мощь прозы, повторимся, библейская. Именно завораживающий стиль Бабеля позволяет читателю до конца читать рассказы, где описываются такие жуткие вещи.

Есть, правда, один принципиальный момент: «Одесские рассказы» и даже пьесу «Закат» читать можно, как писал гениальный пародист Александр Григорьевич Архангельский «ликуя и содрогаясь»¹⁴⁰, а вот «Конармию» читать можно, только «содрогаясь». «Договороспособность» – главная отличительная черта героев-одесситов. Как суммировал это Дмитрий Быков в своём учебнике «Советская литература»: «Эти люди могут друг друга убивать, брать друг у друга в долг, не отдавать, стрелять, мучить и унижать друг друга, даже устраивать друг другу погромы, как в «Истории моей голубятни». Но все они покуда люди, то есть между ними хотя бы в потенции возможен общий язык. Их объединяет Молдаванка, «щедрая наша мать». У них есть общая Одесса с её морем и портом, общая среда обитания – короче, как бы ни враждовали Соломончик Каплун с Бенеи Криком, как бы ни обуздывал

¹³⁷ Для точности укажем первоисточник и корректную формулировку: в статье «К критике гегелевской философии права» (1844) Карл Хайнрихович Маркс написал: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».

¹³⁸ <http://modernproblems.org.ru/memo/289-dmitrybykov.html?start=5>

¹³⁹ Мы отмечали в Книге 2, что Бабель, как и Пушкин, первые литературные опыты писал на французском языке.

¹⁴⁰ <http://haharms.ru/rassказы-yumor-satira-chitat-10.html>

Беня Крик собственного отца Менделя, между ними нет главной вражды – антропологической. Все они принадлежат к единому народу, не еврейскому, ибо Одесса интернациональна, не украинскому и не русскому, ибо все тут представлены в равной пропорции, а к общему племени приморских жовиальных авантюристов»¹⁴¹.

Заметим тут же, что к «приморским жовиальным авантюристам» относится и Остап Бендер. Но стиль Ильфа и Петрова не такой концентрированный. «Беня говорит мало, но он говорит смачно»; речь Остапа Бендера тоже «раздёргана» на цитаты, но авторы романов сделали его разговорчивее. Мы уже цитировали его речь на похоронах Михаила Самуэлевича Паниковского. Вспомним речь в Васюках. Более того, Бендер ещё и писатель: написал сценарий «Шея» (вероятно, о покушении на его убийство Воробьяниновым) и «Торжественный комплект», проданный журналисту Ухудшанскому за 25 рублей.

Но об одесском «Новом завете» – романе «Золотой телёнок» – поговорим немного позже. Пока же у нас есть своё одесское ветхозаветное «Пятикнижие» – точнее, пятнадцатикнижие (если включать пьесу «Закат»). А как бы ни развивалась, видоизменялась, трансформировалась Одесса, краеугольным камнем её цивилизации остаются рассказы, написанные непревзойдённым Исааком Бабелем.

¹⁴¹ <http://modernproblems.org.ru/memo/289-dmitrybykov.html?start=5>

Глава 5

Министр-резидент, Наркомвоенмор и другие

В популярной шутке советовали, в частности, не путать «Бабеля с Бебелем»¹⁴². У нас это невозможно, поскольку в момент установки памятника Бабелю на улице поэта Жуковского¹⁴³ улице Бебеля уже вернули её историческое название – Еврейская. Она параллельна улице Жуковского и нам стоит пройти квартал по Ришельевской и повернуть направо, чтобы оказаться на квартале Еврейской между Ришельевской и Екатерининской улицами.

По дороге обращаем ваше внимание на угловой четырёхэтажный дом¹⁴⁴, имеющий нумерацию по улице Жуковского, но более парадно смотрящийся с Ришельевской. Это дом Гринберга¹⁴⁵, о чём даже имеется соответствующая надпись на нём. Построен архитекторами Моисеем Исааковичем Линецким и Самуилом Савельевичем Гальперсоном в стиле необарокко. Немного вычурно, но таково требование стиля барокко: его, пожалуй, ярчайшее воплощение – ансамбль площади Святого Петра в Риме – тоже весьма причудливо при всей величественности и приспособленности для громадной толпы.

Также интересно рассмотреть и собственно дом, где жил Бабель – он по диагонали от дома Гринберга. Тоже угловой, тоже величественный, с одной очень своеобразной особенностью: центральная часть крыла, идущего вдоль Ришельевской, трёхэтажная, а в остальном дом четырёхэтажный. Непростую задачу стыковки разноэтажных, но одинаковых по высоте частей дома архитекторы решали без всякого компьютерного 3D моделирования (sic!).

На первом этаже дома Бабеля размещался второй по значимости – после «Дома книги» – одесский книжный. В нём продавалась только научная и техническая литература. Именовался он «в народе» – «Два слона» в память двух фигур слонов из папье-маше, несколько лет стоявших в магазине. Эти фигуры появились по знаменательному поводу. Летом 1955-го Индия в знак дружбы подарила Советскому Союзу двух слонят – самца Рави (в переводе – Солнце) и самку Шаши (Луна). До Одессы их доставили морем на советском сухогрузе «Ставрополь» вместе с вьетнамским подарком – слонами Бак Зап (Белые Лапы) и Вой Кай Лон (Большая Слониха). Взрослых слонов сразу погрузили на железнодорожные платформы и развезли по зоопаркам, а дети довольно долго отдыхали от путешествия, и посетители Одесского зоопарка первым делом шли полюбоваться малышами (по слоновьим понятиям: меньше человеческого роста). Только в июле 1956-го слонят сочли достаточно

¹⁴² Полный текст известной нам версии: интеллигент должен не путать Абея и Бабеля, Бабеля и Бебеля, Бебеля и Гегеля, Гегеля и Гоголя, Гоголя и кобеля, кобеля и суку, а просто образованный человек – хотя бы двух последних.

¹⁴³ Анекдот по теме. Леонид Ильич Брежнев открывает памятник Чехову и, путая с рассказом «Каштанка», называет его автором рассказа «Муму». Референт подсказывает, что «Муму» написал Тургенев. «Странно, – замечает Брежнев, – «Муму» написал Тургенев, а памятник открываем Чехову».

¹⁴⁴ Мы многократно отмечали, что «среднестатистически» угловые дома красивее и больше прочих домов кварталов.

¹⁴⁵ Краеведам пока удалось выяснить только инициалы владельца – М.Г. Неведом даже пол: во многих публикациях говорят о госпоже Гринберг. Все сходятся только на том, что большой магазин на первом этаже со стороны Ришельевской, до революции торговавший мебелью и зеркалами (а в момент написания книги – обувью), принадлежал самому домовладельцу.

крепкими, чтобы по железной дороге перевезти в Киевский зоопарк. А их малый размер позволил в память о них поставить в магазине статуи в натуральную величину.

Анатолий купил в этом магазине многие сотни книг¹⁴⁶. Естественно, его знали все сотрудники, включая директора Сергея Савватеевича (увы, его фамилию мы оба не запомнили), и с интересом общались с ним. Владимир пользовался услугами «Двух слонов» и после отъезда Анатолия – пока магазин существовал. Среди семи магазинов, ныне размещившихся в здании, книжного нет¹⁴⁷.

На квартале Еврейской, куда мы вышли, расположены крупнейшая сейчас одесская синагога и гостинично-ресторанный комплекс «Калифорния». Во времена нашей молодости песня «Отель «Калифорния»» была чрезвычайно популярна. Правда, есть версии, что в песне речь может идти не только о «гостинице, которую нельзя покинуть никогда», но даже о тюрьме либо психбольнице. Вряд ли владельцы здания на Еврейской, № 27 задумывались о таких ассоциациях. Просто на довольно маленьком участке они смогли построить весьма симпатичную гостиницу.

Напротив – в доме № 32 – тоже гостиница (вернее, один из четырёх корпусов гостиницы) «Женева». Если удастся войти внутрь, мы увидим самую большую фреску Украины – «Стена выдающихся одесских персонажей». В связи с тем, что дворик гостиницы узкий, разглядеть всех достаточно тяжело. Честно говоря, мешает угадыванию персонажей и, на наш взгляд, недостаточное портретное сходство, что оправдывается трудностями работ на высоте и исключительно высокой скоростью работ: пять художников выполнили её всего за два месяца. Зато эти трудности превращают разглядывание фрески в интеллектуальное занятие¹⁴⁸. Мы явно видим «первого краеведа Одессы» А. С. Пушкина, «Нестора-летописца»¹⁴⁹ нашего города И. Э. Бабеля, главного певца – Леонида Утёсова, отцов-основателей – Ришельё и Ланжерона, а также литературных персонажей: Остапа Бендера почему-то с Кисой Воробьяниновым; вероятно, Менделя Крика и прочее, и прочее. Всего на 330 м² изображено 24 реальных и литературных персонажа. Так город получил ещё одну экскурсионную точку для любимых гостей.

Мы обещали дойти до памятника Франко и сделаем это. По дороге по Еврейской улице в сторону возрастания номеров (а ещё нам предстоит – в связи с Жаботинским – побывать у дома № 1 на ней же) вновь пересекаем Покровский переулок (ох уж эта прямоугольная сетка улиц!). Тут уместно вспомнить, что в своё время переулок назывался переулком Грибоедова. Грибоедов в Одессе не был, но Пушкин ценил его «Горе от ума», а «Пушкин – наше ВСЁ!»

При этом Первый поэт самому Чацкому в уме отказывал, сказав «Все, что он говорит, очень умно. Но кому говорит он всё это? ... Это непростительно. Первый признак умного человека – с первого взгляда знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед репетиловыми и т. п.». Впрочем, если бы Гамлет-сын сразу после встречи с призраком – Гамлетом-отцом – решительно расправился с узурпатором – дядей, пьеса бы закончилась в первом акте. Если бы Чацкий не произносил свои яркие монологи, «Горе от ума» было бы в ряду

¹⁴⁶ Ещё несколько сот с его подачи купила библиотека НПО «Холодмаш» в те годы, когда он там работал. Представители многих институтов и предприятий откладывали новые книги на отведенные для них полки в подсобных помещениях и затем оформляли покупку по безналичному расчёту. Анатолий, узнав об этом, часто подбрасывал на полку «Холодмаша» книги по отраслям науки и техники, не связанным напрямую со спецификой НПО, но интересным ему лично: тогда он ещё успевал читать практически всё, что хотел, и объём закупок ограничивался зарплатой, а не свободным для чтения временем.

¹⁴⁷ Зато есть ресторан «Дом Бабеля» – наряду с рестораном «Бабель Фиш» в четырёх кварталах от «Дома Бабеля».

¹⁴⁸ Анекдот по теме. Нетрезвый человек стоит перед портретами членов Политбюро ЦК КПСС и восклицает: «Поллитру тому, кто всех перечтёт».

¹⁴⁹ «Повесть временных лет» Нестора, похоже, хотя и опирается на реальные события, но – как и труды Бабеля – сдобрена политическими и творческими соображениями автора столь щедро, что многие историки Руси относятся к ней так же скептически, как многие историки Одессы к «Одесским рассказам».

грибоедовских комедий, написанных, правда, в соавторстве, но известных только специалистам¹⁵⁰, и никто бы не назвал переулок в Одессе его именем.

Переулок в честь Грибоедова не пересекается с улицей в честь Пушкина, но, как мы знаем, в жизни двух Александров Сергеевичей было много пересечений. Последнее описано Пушкиным в «Путешествии в Арзрум»: «Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряжённые в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» – спросил я их. «Из Тегерана». – «Что вы везёте?» – «Грибоеда». Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис». Как установили подробные исследования¹⁵¹, рассказ о встрече – мистификация Пушкина.

Грибоедов погиб на посту посла в Персии. Улаживать скандал после трагических событий в Тегеране шах отрядил своего внука, «вооружив» его различными дарами, включая алмаз «Шах». Вопрос был улажен и Николай I дал указание «Предать тегеранскую историю вечному забвению...». Пушкин нашёл элегантный способ упомянуть о любимом литературном сопернике. При этом – для очень внимательно читающей публики – он оставил несколько «зарубок», указывающих на мистификацию. Тело статского советника (что соответствует военному званию бригадира, промежуточному между полковником и генерал-майором) и министра-резидента (посла), естественно, везли не на арбе в сопровождении нескольких грузин, а со всеми почестями в сопровождении воинского конвоя. Второй – чисто топографический – момент: Пушкин переезжает реку и натывается на двух волов, поднимающихся по крутой дороге. Понятно, что навстречу ему, только что пересекшему реку, можно только спускаться. Но, как написал Пушкин через несколько абзацев, посвящённых Грибоедову (для этих прекрасных строчек, дающих точнейший портрет Грибоедова, и придумана была встреча) «Мы ленивы и нелюбопытны...» Перевал назвали Пушкинским, Грибоедова со временем стали «проходить» в школе, а встретились они окончательно (если опустить мысль о небесном) на фасаде нашего Оперного. Как мы уже отметили, бюсты двух Александров Сергеевичей – среди четырёх бюстов, украшающих театр. Грибоедов остался и в топонимике Одессы: улица, названная в его честь, есть в районе «Слободка».

¹⁵⁰ «Студент» совместно с Павлом Александровичем Катениным, «Притворная неверность» совместно с Андреем Андреевичем Жандром, «Своя семья, или Замужняя невеста» в соавторстве с Александром Александровичем Шаховским и Николаем Ивановичем Хмельницким.

¹⁵¹ http://tvkultura.ru/article/show/article_id/106789/

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.